

серия научите меня жить

ЛАРИСА ТЕПЛЯКОВА

КЛЮЧИ

К ЧУЖИМ

ЖИЗНЯМ

роман

Лариса Теплякова
Ключи к чужим жизням

«Написано пером»

2016

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Теплякова Л. Ю.

Ключи к чужим жизням / Л. Ю. Теплякова — «Написано пером», 2016

ISBN 978-5-00071-576-5

Ноябрь 1991 года. Рыночные реформы сметают прежние устои. Ломка стереотипов ломает людские судьбы и характеры. Бывший следователь по особо важным делам Александр Листов занимается извозом, но ради временного заработка берется исполнить странный заказ частного клиента – проследить за молодой женщиной по имени Светлана. Листов профессионально исполняет задание и легко вызнает подробности жизни молодой красавицы и её двух близких подруг. Вокруг Светланы постепенно разыгрывается настоящий детектив с интригами и убийствами, но Листов как бы подбирает ключи к чужим жизням, и распахивает шкафы со скелетами. Однако развязка дела оказывается неожиданной даже для самого Листова.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00071-576-5

© Теплякова Л. Ю., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лариса Теплякова

Ключи к чужим жизням

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Л. Ю. Теплякова, 2016

© Издательство «Литео», 2016

Глава 1

Блондинка приходит в сумерках

Сердцевина осени. На улицах голо, ненастно, зябко. Горожане насупились, оделись в непромокаемое и теплое. Щегольство, игривость и кокетство в одежде исчезли вместе с солнечными днями. И все же в высокой фигуре, скрытой длинным пальто, приблизившейся к подъезду, угадывалась особая женственность.

Войдя, незнакомка первым делом скинула капюшон: на плечи упали гладкие, блестящие белокурые волосы. Затем она энергично поднялась на третий этаж. Стук каблуков по ступеням, два коротких звонка, один длинный, поворот ключа. Дверь она отворила сама. Видимо, три сигнала были условными, упреждали кого-то в квартире именно о её появлении. Легкий скрип, шелест, шёпот. Вскоре все стихло. Долгое время в подъезде ни души. Непогожий воскресный вечер не располагал к прогулкам.

Я не сомневался, что блондинка тоже выйдет не скоро. Она всегда является сюда в сумерках и остается часа на три, а то и четыре. Я еще мало знал о ней, но уже мог утверждать, что она не из тех, кто делает что-то наспех.

* * *

Лежа на кровати, Светлана могла видеть в окне напротив разные оттенки серого цвета: кусок хмурого неба, кирпичная стена соседнего дома, сгущающийся сумрак. Осень выдалась очень скучной, не услаждала красками. Даже бабье лето прошло скомкано, почти незаметно. Небо постоянно куксилось, часто дождило. Такие дни нужно просто пережить, перемочь и стереть их из своей памяти как можно скорей.

Погода, конечно, пасмурна, но это не беда. Мало радует сама жизнь. Не тешит событиями. Не внушает уверенности. Времена наступили смутные, невнятные. Провозглашали перестройку, а больше похоже на разруху. Как будто всем сверху навязана какая-то большая нелепая игра, а правила её никто не знает. И все это, видимо, затянется на годы. Неуклюже, но всерьёз. Значит, предстоит не просто пережить, но и найти свое новое место в шаткой системе координат. А как его искать, если игра без правил? Сами «прорабы» перестройки так заигрались, что довели страну до раскола. Этим летом, в августе, целых три дня вершился дикий фарс в самом центре Москвы. И все под прекрасную музыку Чайковского. Если по телевизору показывают «Лебединое озеро», значит, жди проблем. Светлана политикой не интересовалась, но отлично понимала, что и ей придется расставаться с прежними представлениями, отдирать от себя прошлое с болью.

За окном угасал промозглый день, а в квартире было тепло, уютно, чисто. Светлане нравилось сдержанное убранство двух небольших комнат. Здесь все обустроено именно так, как она любила. Светлане нравилось лежать обнаженной, не укрываясь ничем. Она любила свое ловкое, длинноногое тело с удивительно гладкой, темно-персиковой кожей. Она постоянно ухаживала за ним, упражняла аэробикой, холила. Неудивительно, что её тело всегда приводило в восторг молодого мужчину, лежащего рядом! Приподнявшись на локте, он смотрел на Светлану, словно хотел прочитать её потаенные мысли. Они оба медленно остывали от ласк.

Её друг и сам сложен безупречно. Его стан – тоже продукт ухода и тренировок. Светлане хотелось погладить его с нежной благодарностью по плечам, шее, но она намеренно смотрела вдаль, остерегаясь встретиться с ним взглядом. Светлана знала, что их обоих

захлестнет новая волна желания. Так уже случалось не раз. Тогда у неё вовсе не окажется сил покинуть этот дом, а она уже не могла оставаться дольше.

Всякая, даже потаенная, клеточка организма была удовлетворена, истомлена, расслаблена, но где-то глубоко внутри каждого из двоих любовников сидел и готовился к прыжку этот ненасытный зверек страсти. Им обоим часто не удавалось обуздать свое собственное маленькое животное. Их страстные отношения длились уже пять лет, но с годами взаимное влечение не слабело, а становилась мощнее, осознаннее. Оно подпитывалось опытом, познанием, бесконечными маленькими открытиями. Из сладостно-болезненного родства тел постепенно зарождалось родство душ. Одно перетекало в другое, и казалось, что сотворенное ими море чувственности не вычерпать никогда.

– Ринат, я должна идти. Мне пора, – наконец произнесла Светлана.

– В котором часу ждать тебя завтра? – тихо, но настойчиво, спросил Ринат. Этим вопросом он подчеркивал, что она должна появиться здесь и в следующий день, вопреки всему. Пусть весь мир перевернется или сойдет с ума, но Света должна быть в этой квартире и в этой постели. Иначе он сойдет с ума.

– Завтра я не смогу, – ответила ему Светлана тем тоном, каким обычно уговаривают капризных детей. – Я очень занята.

– Чем, чем ты занята? – нетерпеливо и обидчиво спросил Ринат.

– Ну, вот опять! – усмехнулась Светлана. – Огласить тебе длинный список моих будничных дел? Это неинтересно.

– Мне все интересно! – упрямылся Ринат.

– Во-первых, я работаю... – начала Светлана.

– Зачем? Кем? Что ты там зарабатываешь? Трудовой стаж для будущей нищей пенсии? Сколько тебе нужно денег?

– Я буду работать, я так решила, я так хочу, – медленно произнесла Светлана. – Мы будем видеться немного реже, но все-таки будем, если ты не прекратишь терзать меня своими расспросами. Ты сейчас похож на заигравшегося ребенка.

Всякая истая женщина подсознательно стремится быть желанной. Ей льстила его ненасытность, но из них двоих она по-житейски была разумнее и мудрее. Светлана уже давно для себя поняла, что в каждом даже преуспевающем мужчине прячется неуверенный мальчик, а в каждой девочке очень рано просыпается настоящая женщина. У неё была пятилетняя дочь Ксюша, и Светлана каждый день наблюдала всходы женской сути в маленьком существе своего ребенка. «Эгоист, – внутренне улыбаясь, беззлобно, даже с довольством, подумала Светлана про любовника. – Сексуальный эгоист».

– Мне все труднее отпускать тебя, – простосердечно признался подруге Ринат. – Ты исчезаешь в своей малоизвестной мне жизни. Я там чужой тебе. Мне нет там места. И вот ведь парадокс! Я знаю тебя всю: твоё тело, лицо, твои вкусы, привычки. Я люблю готовить для тебя, покупать подарки. Ты с аппетитом съедаешь мой ужин, ты самозабвенно отдаешься мне, ты доставляешь мне счастье, ты искренне радуешься подаркам, но все же каждый раз опять уходишь, не забирая с собой тех вещей, которые я купил тебе. И так уже пять лет!

– Тебя обижает, что я не беру с собой твои подарки? Ринат, ну, ты же все понимаешь! Такие небольшие вещицы, как заколки и флакончики духов еще, куда ни шло, но как я унесу вот эту чудную напольную вазу или этот шикарный махровый халат? А потрясающий кухонный комбайн? А изящный кофейный сервиз?

Неожиданно для себя Светлана рассмеялась и продолжила:

– Ты разве не замечаешь, что даришь мне бытовые предметы обихода? Я же пользуюсь ими здесь, в этой квартире. Ты не рад?

Она игриво взъерошила ему волосы, но Ринат оставался серьезным.

– Да, видимо это происходит у меня на подсознательном уровне. Я как бы вью гнездо, выстраиваю для тебя дом. Я пытаюсь пленить тебя комфортом... Так и есть. Света, давай поговорим! Почему ты не хочешь жить со мной?

– У меня уже есть дом. А в нем живет моя дочь, – спокойно ответила Светлана.

– Она будет и моей!

– У неё есть родной отец. Он жив и здоров.

– Твой муж?

– Мой муж, конечно. Кто же еще?

– А как же я?

– А ты самый сексуальный мужчина на свете! – она приподнялась и лизнула его грудь. Он прижался лицом к макушке её головы и негромко застонал.

Светлана осторожно отстранилась и прошептала, завершая скользкую тему:

– Все, все! Я должна идти. Не спрашивай меня ни о чем. Не выворачивай мою душу, будто мешок для сбора пыли.

Светлана встала и сосредоточенно начала одеваться. Ринат тоже поднялся с кровати. Он любил помогать ей. Он подавал ей детали туалета, бережно застегивал крюпочки и пуговицы, а сам оставался полностью обнаженным. Это напоминало ритуальное действие. Ринат пытался молча провоцировать её своим телом сексуального самца. Раньше это иногда удавалось, иногда нет. В тот вечер всё было напрасно. Светлана оставалась непреклонной.

Последним элементом гардероба Светланы являлось длинное пальто. Ринат довел начатую церемонию одевания до завершения. Беззастенчиво стоя в прихожей в одних только тапочках, он галантно подал своей даме верхнюю одежду, потом просунул каждую пуговицу в надлежащую петельку. Накинув на головку любимой женщины капюшон, Ринат поймал её губы для прощального поцелуя. Обнимая Светлану, он ощущал своей кожей пальтовую ткань. От мягкого кашемира летуче пахло парфюмом и уличной влагой, пронизанной прелестью опавших листьев, травы, испарениями земли, асфальта, самим духом осени и грусти. Его волновал этот запах, заводила пикантность ситуации и безудержно влекла эта женщина. Ринат плотнее прижимал Светлану к себе, и ему казалось, что если она отстранится, то ему уже придется отдиравать её от себя вместе с кожей.

Когда за ней закрылась дверь, он вернулся в спальню, включил телевизор и лег на просторную кровать. Постель услужливо сохранила знакомый тонкий запах кожи и тепло желанной женщины. Он будет спать на этой простыне, в ауре своей запретной любви до утра. А на следующий день он расстелет другую простыню. Светлана любит свежесть и чистоту, а в этой квартире все подчинялось её вкусам.

* * *

Блондинка не появлялась. Я ждал, она не шла. Свою машину я предусмотрительно поставил в стороне от подъезда, за большими деревьями, так, чтоб не привлекать внимание, но обеспечил себе возможность наблюдать за входной дверью. Женщина не могла проскользнуть мимо меня незамеченной. Это называется так – был в засаде. Я почему-то ощущал, как внутри возникает глухое раздражение, хотя долгие часы наблюдения для меня не в новинку. Что-то злило меня, и это что-то мешало думать.

Почти совсем стемнело. Двор освещался отвратительно. Я небрежно просматривал журнал в тусклом свете автомобильной лампочки. Обычно в таких ситуациях мои бывшие коллеги много курят или пьют крепкий кофе из термоса. Я напрочь лишен этих пристрастий: не курю вообще и кофе терпеть не могу. На мой вкус неплохо было бы рюмку-другую хоро-

шей водки, да за рулем я никогда не позволяю себе спиртного. Ломать свои привычки я не вижу смысла.

Раздражение нарастало. Наверно, все-таки погода сказывалась. Мы все от чего-то зависим. От странного стечения обстоятельств. От бестолкового правительства. От дрянной погоды. От женщин. От женщин, между прочим, мы зависим значительно, хотя часто не признаемся себе в этом. А эта наша подчиненность им начинается с раннего детства. Мать, бабушка, учительницы в школе. Позже – подруги, жены. Мы вырываемся из-под опеки, хотим доказать себе, друзьям и им, женщинам, что вольны и смелы в своих поступках. Говорим дерзости, делаем глупости, допускаем ошибки, но, впрочем, чего-то все-таки достигаем в этой жизни. Забравшись на какую-нибудь малую высотку успешности, мы сразу жаждем их оценок и одобрения. О, как мы зависим от их оценок! А они умеют быть терпеливыми и вертят нами исподволь. Самые умные из них делают это виртуозно.

Я уже склонялся к мысли, что она осталась там ночевать, в этой квартире на третьем этаже, хотя раньше такого не случалось. Но все же она появилась на дорожке, ведущей от двора дома № 6 к Союзному проспекту.

Мое раздражение сменилось беспокойством. Как может тот парень, к которому она приходит сюда, отпускать её одну в поздний час? Неужели не в состоянии этот Дон Жуан подвезти свою любовницу или вызвать ей такси? Я пока не видел его, но твердо убежден, что именно к мужчине так осторожно приходит высокая красавица-блондинка в сумерках. Я уже сам намеревался узнать о нем подробнее в самое ближайшее время. Очень хотелось понять, каков он!

Я дал ей уйти немного вперед, потом медленно поехал за ней на безопасном расстоянии. Молодая женщина в элегантном пальто остановилась у обочины и начала голосовать. Я вырулил так, чтоб оказаться именно тем, кого она остановит.

Блондинка села ко мне в машину, практически не взглянув на меня. Меня это устраивало и не устраивало одновременно. Я пока не хотел, чтоб она меня заметила и запомнила. С другой стороны меня возмутила её непростительная неосторожность. Ну, разве можно так прыгать в машину к первому встречному на дороге, если даже очень спешишь?! Видел бы тот мужик, который остался в тепленькой квартирке на третьем этаже. Или ему все равно? Я ведь не в курсе пока, что их связывает. В общем, не знаю, как он, но я уже не мог допустить, чтоб она села к кому-то другому. Мало ли что.

– Куда едем? – спросил я глуховато, изображая обычного городского «бомбилу». А что, самое их время. Подгулявшие граждане торопятся домой на ночлег.

Она назвала адрес. Я уже знал его, там жила её мать. А она сама немного дальше. Минут пятнадцать хорошей езды без пробок.

По дороге она молчала и даже не сняла свой капюшон. Я уже немного изучил её привычки. Блондинка имела обыкновение выпускать свои гладкие волосы на свободу и встряхивать головой, чуть отклонив её назад. А тогда она о чем-то задумалась, наверно. Я тоже молчал и вез её, как драгоценный груз. Когда подъехали, она очень вежливо спросила:

– А вы не сможете меня подождать здесь минут десять-пятнадцать? Я сейчас вернусь. Дочку заберу.

– Отчего же нет? Можно, – ответил я придуманным мной голосом, не выходя из роли «бомбилы». Если бы она узнала, как часто и подолгу мне приходилось дожидаться её в разных местах за последний месяц, то очень удивилась бы! Так что пятнадцать минут – это сущий пустяк для нас с ней. Но она пребывала в полном неведении. А иначе и быть не могло. Я умею работать.

Дверь Светлане открыла мать.

– Мама, я машину внизу оставила. Давай соберем Ксюшу, да мы поедем, – попросила дочь.

– Она спит, – коротко ответила мать. – Лучше её не будить. Пусть остается.

По её лицу было трудно определить, как она оценивает поздние воскресные прогулки своей взрослой замужней дочери. Наталья Петровна редко задавала вопросы, требующие разъяснений. Она вообще была немногословна. Светлана очень ценила в ней это и была благодарна за ненавязчивую помощь. Мысленно попросив прощения у дочери, Светлана согласилась:

– Хорошо, пусть остается. Теперь уже заеду завтра вечером.

– Также поздно? – уточнила мать.

– Нет, мама, часов в шесть вечера.

– Звонил Олег. Просил тебя к телефону. Я сказала, что ты Ксюшу уложила и к соседке зашла на минутку. К Ленке, к бывшей однокласснице. Имей в виду. Я спросила, что передать тебе. Он сказал, что ничего. Просто побеспокоился.

Светлана посмотрела на мать внимательнее и ответила, чуть помедлив:

– Спасибо, мама.

– Завтра нам надо поговорить, Света, – сухо, но ровно, без нажима, заявила Наталья Петровна.

– Хорошо, поговорим, – невозмутимо пообещала ей Светлана. Ей всегда казалось, что мать хорошо чувствует её и понимает без слов, и разговор будет вполне добросердечный и недолгий. Но она еще не знала, что заблуждается. – Я пошла. Спокойной ночи.

– Подожди, пирога Олегу возьми. Он такой любит, – остановила её мать и проворно принесла с кухни упакованный уже внушительный кусок свежей домашней выпечки.

Дочь ласково поцеловала мать на прощание в плотную щечку, склонившись к ней. Наталья Петровна была низенькой, крепенькой женщиной. Внешне дочь унаследовала только её карие глаза с миндалевидным разрезом и отличную структуру кожи, мало подверженную влиянию времени. Внутренне Светлана обладала той же силой характера и многими навыками, что и мать. Наталья Петровна не нежила Свету в детстве, и дочь приучилась выполнять любую работу аккуратно, ловко и быстро. Все спорилось в её умелых руках, а ухоженные, хорошей природной формы ногти очень редко покрывались лаком. Светлана много делала своими руками и ценила естественность во всем.

Свою квартиру Светлана открыла ключом, без звонка. Из комнаты окликнул муж:

– Света, ты?

– Я, я, Олежик.

– А который час уже?

– Одиннадцать без пяти минут, – ответила Светлана, стягивая сапоги в прихожей.

Потом она мелкими шажками вошла в пустынную комнату, приблизилась к мужу. Он стоял, склонившись над большим столом, на котором располагалась чертежная доска. Рядом стопкой лежали тетради с записями, коробка карандашей фирмы «KOH-I-NOOR». Голова Олега была увенчана платком в мелкий рисунок, подобные которому в последствии прочно вошли в моду, затем в широкий обиход и стали именоваться «банданами». А пока это был просто обыкновенный ситцевый платок.

Светлана поцеловала его в шею.

– Ты заработался, – прошептала она прямо в ухо супруга. – Пора отдыхать. Ну-ка, покажи мне глаза! У-у, красные, подслеповатые, как у крота. Все-все! Сворачивай свои чертежи.

– Это не мои, а нерадивых студентов, – ответил с улыбкой Олег. – Я зарабатываю на лени этих обеспеченных бездельников. Тебя нет, я и не заметил, что уже так поздно. Я-то заработался, а ты чего так припозднилась?

Говорить неправду удобнее, не глядя в глаза собеседника. Но это полдела. Ложь искусная, правдоподобная требует определенного тона и состояния души. Светлана начала медленно раздеваться, кружа по квартире и раскладывая вещи. Она словно танцевала, подчиняясь одной ей слышному ритму. Плечи и грудь её подрагивали, тонкая, но сильная шея грациозно изгибалась. Голос её звучал мелодично, размеренно и спокойно:

– Я вначале заехала к Марине. Подкрасить волосы, подстричь концы. Потом помогла ей раскроить платье. Ткань дорогая, она сама не осмеливалась резать. А я решительная, ты же знаешь. Сметали, подогнали – отменно так получилось. У Маринки фигурка классная! Все село по ней. Она мне подарила на радостях флакончик духов. Духишки такие славные!

– Что так щедро? Ей разве не надо, если «такие славные духишки»? – нарочито дурашливо передразнил Олег. Он с удовольствием смотрел на жену, и губы его сами растягивались в снисходительной улыбке.

– А ей часто то клиенты суют, то Артур привозит. У неё таких уже два флакона. Маришка же нежадная, ты же знаешь, – беспечно продолжала Светлана. – Ну, вот. Потом поехала к маме. Поболтали, капусту незаметно так нашинковали, две банки засолили. Со сладким болгарским перцем, как ты любишь. Потом пирог затеяли. Тебе, кстати, тоже большой кусок принесла. Дед с Ксенией погулял, сказки ей почитал. Она и уснула. Я успела только погладить её перед сном. Что ещё? Да, к Ленке Малофеевой заглянула. А Ксюшку оставила у мамы. Не заметила, как день прошел. Так рано теперь темнеет! Ну, что ты смотришь на меня?

– Я радуюсь, что твой день прошел не зря, – по-прежнему улыбаясь, сказал Олег.

– Ты ведь сказал, что будешь весь день чертить, а Ксения бы тебе мешала, чёртиков бы тебе пририсовывала на ватман. Ведь так? Вот мы и уехали.

– Так, так, – устало усмехнулся Олег. – С ней не поработаешь. Но я уже без вас соскучился!

– Ну, так идем спать! – вкрадчиво предложила Светлана. Она уже стояла перед ним в кружевной пижаме – коротенькие эластичные шортики и миленькая маечка облегли её, как нельзя лучше. И она это знала.

– Да, идем, – согласился муж. – Завтра мне рано вставать. Ты ложись, а я под душ. Сейчас, пять минут.

Уже в постели он сказал:

– Да, забыл! Тебе же девчонки твои звонили поочередно. Вначале Марьянка, а потом Анка.

– Что, перезвонить просили? – лениво поинтересовалась Света.

– Да нет, так, видно, соскучились за выходной без тебя.

– Завтра увидимся. Спи.

Их квартира была в точности такой же по планировке и габаритам, как и та, в которой Светлана встречалась с Ринатом. Ирония судьбы. А, может, просто узость мысли и фантазии городских архитекторов. Постройки-то типовые, утвержденные еще при Хрущеве. Вот только кровать немного поскрипывала и вообще была не такой широкой, современной и удобной, как у Рината в спальне, но Светлана любила засыпать, прижавшись к мужу. К Олегу. Такая вот непостижимость бытия. Такая противоречивость привязанностей, привычек, желаний, прихотей молодой красивой женщины. Так выстраивался затейливый расклад её судьбы, и она пока не видела причины его разрушать.

Глава 2 БЫВШИЙ «МЕНТ»

Я поставил машину в гараж-«ракушку» во дворе и направился домой. В этот поздний час мой сын уже смотрел свои мальчишеские сны, разметавшись на постели, а из другой спальни доносился голос жены. Она увлеченно болтала с подругой по телефону и не вышла встретить меня. Собственно, если бы она не была занята этим разговором, то тоже вряд ли побеспокоилась обо мне. Что-то разладилось у нас с ней в последнее время: то ли я не дотягивал до каких-то её критериев, то ли она их слишком завысила. Отношения буксовали.

Я наскоро принял душ, а затем закрылся на кухне. Заварил крепкий чай, накрыл нехитрый одинокий мужской ужин и налил, наконец, себе рюмку водки. Мне требовалось спокойно обмозговать свои дальнейшие действия. Я сам был недоволен результатами проделанной мною работы. Как-то бестолково растратчена масса времени, а имеющиеся в моем арсенале сведения пока самые скудные. Корни моего недавнего раздражения росли на этой почве. Нужно было что-то придумать.

Итак, я должен собрать для своего клиента как можно больше информации об интересующей его особе. Зовут её Светлана. Особа, надо отметить, весьма хороша собой, но я не должен позволять себе эмоций. Ничего личного! Стоп! Ничего личного... Ничего личного... А почему бы нет, черт возьми? Мне ведь нужно подобраться к ней ближе.

Что я знаю о ней? Где проживает, где работает. Знаю адрес матери, видел подруг. Знаю адрес любовника, но его самого не видел. Я, возможно, пока заблуждаюсь и мыслю шаблонно. Вдруг там у неё престарелая тетя обретается, и Светлана ей постоянно помогает по хозяйству? Нет, если бы там жила тетя, то и мать Светланы появлялась бы или другие её родственнички. Так гадать негоже. Нужна принципиально иная стратегия. Только войдя в круг общения с ней можно собрать подробные сведения. Так как это сделать? Догадка меня осенила после второй рюмки.

Когда я высаживал Светлану из машины у её подъезда, на крыльце она поздоровалась с соседкой. Та выгуливала перед сном собаку. Я сделал вид, что ищу что-то в бардачке, и задержался невзначай, а сам прислушался к их непродолжительному разговору. Так вот, Светлана спросила у соседки, не знает ли та, работает ли по-прежнему салон ремонта бытовой техники на Саянской улице. Ведь в последние годы все стремительно меняется! Перейдя на полную самокупаемость, предприятия зачастую становились нежизнеспособными. Женщина ей сообщила, что салон, увы, закрылся. Светлана сказала, жаль, мол, а то у меня машинка стиральная сломалась. Мастера бы толкового вызвать. Обе посетовали на переменчивость и зыбкость всего и вся в эпоху перестройки, да разошлись. Я же зафиксировал их житейский разговор в своей памяти. И не зря, информация мне пригодилась. Озадаченный мною мозг выдал-таки решение, которое, правда, требовало тщательной дальнейшей проработки.

Я когда-то в юности занимался радиоделом, частенько паял микросхемы. Потом, повзрослев, понял, что у меня получается ладить со сломанной техникой. То, что в домашнем хозяйстве выходило из строя, в моих руках иногда оживало. Настоящим мастером я себя не считал, но кое-что починить удавалось. А что, если рискнуть и развесить у всех подъездов её дома объявления о ремонте бытовой техники? Посмотрим, что получится. По опыту своей работы в милиции я знаю, что именно благодаря различным объявлениям злоумышленники проникают в квартиры незадачливых граждан. Я-то не собирался причинять Светлане зла. Я мог даже сослужить ей добрую службу, починив капризный агрегат для стирки белья. Я только намеревался попутно раздобыть больше сведений о ней для своего клиента.

А вот как он их потом использует? И вообще, зачем ему все это? Станный он. Крейзи.

Мне было трудно действовать без точного понимания его цели. Но благодаря ему у меня появилась работа, в которой я знал толк. И я заставлял себя работать, несмотря ни на что, а не ломать понапрасну голову.

* * *

Мы встретились невзначай, в первую неделю сентября. Я тогда возился во дворе со своей «семеркой». Он сам подошел, поздоровался. Разговорились. Мы учились когда-то в одной школе, но в разных классах. После армии виделись редко, а потом он вообще исчез из виду надолго. Разошлись наши пути-дорожки в разные стороны.

Часто случается, что при встрече со старым знакомым трудно подобрать верный тон, подобающие слова. С годами много воды утекает, люди необратимо меняются. А с ним разговор завязался свободно. Слово за слово – вернулась прежняя юношеская легкость общения. Дистанция во времени и пространстве сжалась. Вспомнились наши старые школьные клички, образованные от фамилий. Меня пацаны звали Лист, иногда – Сухой Лист (моя фамилия Листов), а его – Князь, от фамилии Князев. Это прозвище всегда удивительно шло ему. Имелась в нем какая-то аристократическая жилка.

– Я мать навещал, – пояснил мне тогда Князь. – Она проживает на прежнем месте.

Я понимающе кивнул ему, хотя, признаться, уже не мог вспомнить его матушку. Она была не из тех родительниц, которые из-за каждого пустяка бегали в школу.

В этот момент из дома вышла моя жена. Небрежно кивнув мне, она села за руль и скользнула мимо нас на своем аккуратном «Nissan Sunny».

– Это кто? – несколько изумленно спросил он.

– Моя супруга, – нехотя признался я.

Он перевел свой удивленный взгляд на мою выдавшие виды трудягу-«семерочку».

– Что смотришь? – сказал я тогда резковато, с досадой в голосе. – Она адвокат, а я никто.

– Так ты же в милиции работал?

– Был неплохим следаком, – с гордостью подтвердил я. – Но ушел. Долго рассказывать, как и зачем я это сделал. Думал, смогу хорошо заработать в новых экономических условиях. Извернулся, сумел уволиться из органов якобы по болезни. Открыл с приятелем на пару кооператив. Брались за одно, другое, третье. Понял, что нет у меня коммерческой сметки. Теперь перед тобой временно безработный. Вторую неделю я занимаюсь извозом.

– Все, что ни делается – к лучшему, поверь мне, – попытался приободрить меня приятель.

– Хорошая поговорочка! – горько усмехнулся я. – Так и хочется поверить! Но не получается.

Князь хлопнул меня по плечу и весело сказал:

– Значит, ты свободен? Тогда я делаю тебе заманчивое предложение. Поработай частным детективом. Я хорошо тебе заплачу. Пойдем, присядем. Потолкуем.

Мы сели на лавочку под высоким старым тополем. Он достал фотографию молодой женщины. Светлые льняные волосы на прямой пробор. Чуть раскосые миндалевидные глаза с поволокой. Чувственные губы, тонкий прямой нос. Неясная, смазанная, как бы вне фокуса, улыбка. Все в её облике было просто, естественно, но, вместе с тем, утонченно. Округлый, женственный овал молодого лица притягивал сам по себе. Хотелось всмотреться, разглядеть нюансы. Приметил еще высокие скулы. И больше ничего особенного.

– Красивая, – сказал я ему. – Кто она?

– Я не буду тебе ничего пояснять. Мои уточнения могут носить субъективный характер и смазать всю истинную картину. Ты ведь хороший следователь, Саша, – уважительно сказал мой бывший школьный товарищ.

– Не скромничай, я слышал отзывы достойных людей. Я лишь назову тебе её адрес, а ты сам узнай как можно больше о ней. Меня интересует абсолютно всё. Собирай для меня всякую информацию, а уж я её просею сам. Ты, конечно, в праве отказаться, но прежде подумай. Как знать, может, частный сыск придется тебе по душе? Ведь теперь и это возможно. Говорят, бывших сыщиков не бывает. Сыщик – всегда сыщик, даже если он временно занимается чем-то другим. Верно?

Я согласился. На тот момент у меня не было других перспектив, а долги уже водились.

* * *

Я положил фотографию Светланы перед собой на столе. Ну, что, красавица, познакомимся поближе? Я ведь ещё не знаю, какой у этой блондинки нрав, но мне нужно как-то суметь с ней поладить. Я уже работал для неё водилой-частником, теперь попытаюсь явиться мастером на все руки. А это ведь услуга. Ну, что ж, посмотрим, какова она с обслуживанием – заносчива или приветлива. «За наше предстоящее близкое знакомство!» – мысленно провозгласил я тост и пригубил еще рюмочку. Третью.

Неожиданно на пороге кухни ночным видением бесшумно возникла моя жена Ирина. В своих мягких тапочках-ботиках Ирина передвигается по дому совсем неслышно. С полминуты мы ощупывали друг друга взглядами. Её колючий взор шарил по моему усталому лицу, а я бегло окинул всю её небольшую фигурку с головы до ног и насилу сдержался от смеха. Жена в этот ночной час выглядела сногсшибательно. На ней было нечто среднее между бальным платьем и пеньюаром. Одевание ниспадало донизу, а из-под воланов на подоле выглядывали те самые забавные тапочки, больше похожие на мягкие игрушки, чем на обувь взрослой женщины. Я смотрел и не понимал, зачем столько кружев, тесьмы и прочей галантереи женщине под одеялом. По мне так лучше спала бы вовсе оголенной. Может, наши отношения наладились бы сами собой. Но Ирина, очевидно, так не считала. Наши мнения в последнее время частенько не совпадали.

– Ты собрался всю ночь здесь сидеть?! – скороговоркой выпалила жена. Когда Ирина нервничает, она частит, но слова успевают произноситься четко, разборчиво. Это у неё профессиональное качество.

– А что, не спится без меня? – нарочито медленно, с расстановкой, чуть фривольно уточнил я. – Неужели неудобно? Холодно? Одиноко? Хочется ласки?

– Вот ещё! – с деланным презрением фыркнула Ирина и подошла к столу ближе. – Хорош! Балдеешь от красоты на карточке и попиваешь водку! Кто эта дамочка?

– Подвозил одного паренька, а он обронил, – спокойно соврал я жене. Я был пока не готов рассказать ей всю правду.

– Ну-ну, – недоверчиво ввернула супруга.

Ирина пригляделась внимательней к снимку. Я видел её борьбу с самой собой. Ей очень хотелось что-то ещё остроумно съязвить на мой счет, но Светлана так человеколюбиво и миротворчески улыбалась, что моя Ирина невольно сдержалась и даже как будто немного смягчилась. Мне показалось, что между нами наметилось зыбкое перемирие, и попытался приобнять жену за талию. Ирина все же дернулась в сторону от меня. Воланы и глупые бантики вздорно и забавно колыхнулись вместе со своей хозяйкой. Розовое видение повернулось ко мне спиной, намереваясь бесшумно исчезнуть. Я не стал препятствовать. Сварливость женщину не красит. Пусть сама справляется со своим дурным характером.

По моему мнению, жены бывают хранительницы и воительницы. Мне долго казалось, что моя вторая половина относится именно к первому благочестивому типу спутниц жизни. Но в последнее время в её повадках наметилась неприятная направленность в другую, противную мне сторону. Моя жена вела несколько сложных бракоразводных процес-

сов, и, похоже, чужие дразги повлияли на неё не лучшим образом. Может, ей сдавалось, что упреками и недовольством она меня совершенствует, обтесывает под требуемый ей стандарт, подталкивает на верный путь, но, увы, эффект достигался плачевный.

Когда-то, в ранней студенческой молодости, Ирина была от меня без ума. Я поступил на юридический факультет после армии, а она пришла прямо со школьной скамьи. Мне льстила трогательная, пылкая влюбленность юной комсомолки и отличницы. Я тогда нравился многим, даже старшим, искушенным девушкам, и ласково играл с ней, вчерашней школьницей, как кот с мышкой, хотя для себя уже решил, что женюсь на восторженной, чистой моей Ирине. Я вообще по жизни достаточно рано ощутил, что нравлюсь противоположному полу. Без ложной скромности – я удался внешностью, но только не вышел ростом. Я невысок, я даже чуть ниже среднего для современного мужчины. Оттого на длинноногих красоток я взираю с потаенной грустью. У каждого есть свой пунктик. Признаться, иногда, так же закрывшись на кухне, я смотрю по коммерческому телевизионному каналу показы модных коллекций. По подиуму соблазнительно вышагивают рослые манекенщицы в откровенных одеяниях, и моя голова идет кругом. В своих грезах я не раз обладал этими длинноногими дивами. Я представлял себя даже с двумя-тремя сразу. В моих плотских мечтах они нежно обвивали меня изящными конечностями, как гибкие лианы, а я вольно целовал их, но в реальной жизни ни разу не решался подойти к подобным женщинам. Я опасался насмешки. А теперь жизнь столкнула меня со Светланой, и это обстоятельство вызывало во мне некоторое волнение. Она была так похожа на девушку из моих фантазий – страстную в видениях и недоступную в реальности. Мой контингент – невысокие прелестницы, миниатюрные пташки. Чуть подростки, повзрослевшие Дюймовочки. У них мне почти всегда удавалось вызвать чувственный ответный посыл. Биопоток вожделения.

Правда, с недавних пор и на этом фронте наметились огорчительные перемены. Наши бабы взбесились в условиях многоукладной рыночной экономики. У них будто эрогенные зоны сместились, съехали набекрень. Душа и родство тел остались на втором плане. На первом – деньги. Им вдруг понравилось держать в руках тугие, бледно-зеленые пачки заморских денежных знаков и вдыхать их особый запах. Запах роскоши. Все хотят отдаться дороже, все хотят богатеньких толстосумов. Любой лысый пузан с тугим кошельком им желаннее нормального мужика. А браки с иностранцами просто вошли в моду. Нынешние безумные амазонки хомутают их безоглядно и несутся вскачь к иным берегам. Почему амазонки? Потому что им порой даже безразлично, если будущий муж – импотент. Для размножения они подыщут себе другого. Или прикупят порцию качественной спермы в специальном банке. На деньги мужа. Такие времена.

В ту ночь я всё же добрался до нашего широкого супружеского ложа. Мне, разгоряченному алкоголем и воспоминаниями, вдруг нестерпимо захотелось близости. Я сильно обхватил жену сзади и властно привлек её к себе. Она встrepенулась, попыталась воспротивиться, но сделала это слабо, неубедительно. Тогда я решительно поднял подол её длинного одеяния, и смело пошарил рукой. К моему удовольствию, под ним ничего не было. Дальше я стал действовать решительно, но бережно. Я осадил свою грубость и выпустил на волю глубоко запрятанную нежность. Я знал маленькие чувственные точки своей жены.

Ирина молчала, лишь задышала чаще, порывистей. Мои руки уже привычно гуляли по всему её телу, расслабляя его, даря ему освобождение от вздорной зажатости и спеси. Ночью все кошки серы. Ночью все адвокатессы должны быть просто женщинами с двумя грудями и прочими известными прелестями.

Мне удалось стянуть с неё розовый балахон. Без него она оказалась ещё более беззащитной и податливой. Все сразу пошло на лад само собой, как я и предполагал. Вскоре Ирина

уже старательно двигалась со мной в такт, стремясь к звенящей вершине нашего плотского единения. В самый пик, в самый экстремальный момент нашего спонтанного соития, когда все земное стало неважным, когда телесная радость растекалась внутри упругими волнами, она протонала:

– Почему ты стал следователем?!

При этом она легонько колотила меня по спине своими маленькими кулачками, а я изливался в неё, освобождаясь от невероятного внутреннего напряжения.

Я не ответил жене. Пусть сама распутывает свой тугой клубок противоречий. Ведь она делает это для своих клиентов, выводит их из лабиринтов юридической казуистики. И ничего, многие вполне здравствуют и процветают, оплатив её услуги.

Я отпустил Ирину и осторожно перевернулся на спину. Почему я стал следователем? Неужели не ясно, что каждый человек от рождения наделяется каким-то призванием, но нет никакой гарантии, что у него будет возможность получать за свой труд достойные деньги. Жизнь сложна и многозначна. Годы несутся вскачь, повергая ниц одних и вознося других, а потом вдруг резко все разворачивается наоборот. Как в песне почитаемого мной Макаревича: «... И часто паденьем становится взлет, и видел я, как становится взлетом паденье». Ведь почему-то ребята из «Машины времени» озвучили это.

Эпоха непостижимых перемен накрыла нас всех мощной волной. Мы барахтаемся, пытаясь выбраться на твердь. Всякий человек начинает метаться и ломать сам себя ради призрачного достатка. Вот и я побрел не в свои палестины. Но ведь кто-то все же должен делать то, что необходимо обществу в широком смысле!

Я чувствовал, что меня заносило в размышлениях. Уже нещадно морил сон, но разум упрямо стремился довершить начатое. Мысли путались. Они расплывались, словно акварельные краски на рыхлой, влажной бумаге. Все постепенно стало незначительным и не таким тягостным. Беспокойно, не сразу, но все же я крепко уснул в ту октябрьскую ночь с воскресенья на понедельник.

Глава 3 Марьяна

На маленькой кухне двухкомнатной «хрущобной» квартирki было очень тесно. Тут старая, обшарпанная мебель натужно доживала свой век, едва уже вмещающая внутрь себя многообразную, необходимую людям утварь, но все же старательно служа владельцам. Ароматы готовящейся пищи толкались, смешивались, образуя какофонию съестных запахов. На конфорках газовой плиты соседствовали кастрюли с супом и тушеным мясом. На их эмалированных боках тоже остались безжалостные отметины бессменной службы – нагары, отбитое покрытие. В духовке румянились аккуратные пирожки с капустой. На столе развалились намытые овощи – заготовки для салата. Готовилось много, сытно, словно ожидался языческий праздник чревоугодия. Колдовала всем прекрасная белокудрая нимфа. Женственно двигаясь в двух кубометрах свободного пространства и страдая от неизбежной духоты, она творила своё привычное дело. Мелкие завитки её волос курчавились еще больше от потной влаги и весело подпрыгивали в такт движениям своей хозяйки. Её звали Марьяна.

Каждый воскресный день Марьяна старалась наготовить впрок, чтоб в начале рабочей недели, вернувшись вечером, было чем быстро накормить семью. А ещё ей всегда хотелось выделить выходной день из монотонной череды будней особенным, грамотным обедом.

На кухню вплыла мать Марьяны, Жанна Ивановна. Она материализовалась у дочери за спиной. Именно спиной Марьяна ощутила, что на кухонке стало немного жарче и теснее. Жанна Ивановна томно промурлыкала, растягивая слова:

– Марьяшенька, а скоро ням-ням? Сержик хочет кушать!

Эти, в общем-то, детские слова звучали нелепо из уст отцветающей женщины, да и сообщение про Сержика отдавало бесцеремонностью, но такое уж обыкновение имела Жанна Ивановна. Марьяна невольно подумала про себя, что мать могла бы и помочь ей, хотя бы ради своего вечно голодного Сержика. Эта мысль дежурно возникала в голове Марьяны. Она даже несколько раз пыталась её озвучивать, но словесные призывы Марьяны зависали в безответной тишине, никому не интересные. Все члены этой странноватой, разношерстной, недружной, но мирной семьи с удивительным коллективным упорством избегали кухонных тягот. Пожалуй, все были едины именно в привычке вкусно и обильно питаться, не обременяя себя при этом хлопотами по хозяйству.

– Сержик читал, читал и заснул, – дополнительно сообщила Жанна Ивановна своим фирменным мурлыкающим тоном. – А теперь он проснулся и хочет ням-ням!

Марьяне очень хотелось желчно заметить, что Сержика легче убить, чем прокормить, но все же она привычно сдержалась и не стала дерзить Жанне Ивановне. Ей было по-женски немного жаль свою мать. Она мягким голосом, несколько схожим с материнским, ответила нараспев:

– Нет, мамик, ещё подождите полчаса, я вас позову. А если тебе незатруднительно, то можешь порезать салат.

Жанна Ивановна молча повертелась несколько минут, рассеянно пожевала веточку укропа и плавно удалилась в свой мирок. Мать и дочь, существуя в смежных комнатах под одной крышей, проживали разные эмоциональные жизни. Мать пребывала в состоянии пылкой, ослепляющей влюбленности, а дочь на все события смотрела вполне трезво. Объектом страсти немолодой женщины был некий Сергей Николаевич Кулик. Их неожиданный брак многие считали мезальянсом и пророчили скорый финал отношений. Казалось, в наличии все обстоятельства для такого развития сюжета. Сержик был недурен внешне и моложе жены ровно на пятнадцать лет. В свое время он закончил с отличием геологический факультет

МГУ и ныне занимался некоторый научной деятельностью вкупе с руководством небольшим отделом, в котором и работала Жанна Ивановна. Супруги почти не расставались.

Жанна Ивановна была соответственно на пятнадцать лет старше своего дорогого мужа, имела весьма скромное среднетехническое образование и поблекшие внешние данные. Но проходил год, другой, третий, а у них всё царили совет да любовь. Отчасти секрет, возможно, крылся в том, что Сергей Николаевич абсолютно был беспомощен в быту, но вполне элегантно владел искусством обращения со столовыми приборами во время трапезы. Трапезничать он любил. Жена же сумела окружить его неустанной заботой, вниманием и тем уровнем комфорта, какой в принципе был возможен на её небольшой жилплощади. Впрочем, своей жилплощади у Сержика не было. До женитьбы он скромно проживал в общежитии.

Сергей Николаевич имел полную возможность читать научную, художественную и публицистическую литературу сутками. Сержик Кулик был литературный наркоман. Он выписывал десятки периодических изданий, покупал тонны книг и читал все это запоем.

В их с Жанной Ивановной комнате теснота происходила от наличия множества томов и журнальных подшивок. Собственно, кровать, книжные шкафы и подвесные полки заполняли кубатуру помещения. Это был гибрид спальни и кабинета. В выходные дни Сержик, бывало, не поднимался с постели, а, только приняв удобную позу, читал, делая пометы и записи в блокноте. Туда же, в постель, Жанна Ивановна зачастую подавала ему еду, и, млея от любви и нежности, забиралась сама ближе к Сергею Николаевичу. Он был абсолютно искренне благодарен ей и невнятными движениями, которые считал ласкающими, млял и гладил её пухленькое тело, совсем не обращая внимания на то, что оно не молодо.

Его жене, матери Марьяны, второй супруг казался щедрым подарком судьбы. Сергей Николаевич не замечал, что она не молода и не особенно симпатична, а Жанна Ивановна в ответ не заостряла внимания на том, что муж проживает в доме гостем, не имея обязанностей, да и вообще часто ведет себя странновато. После скоротечного, неудачного первого брака с отцом Марьяны она долго не верила в возможность новых законных уз с другим мужчиной. Отец Марьяны много пил и усложнял ей жизнь хамскими выходками. Конечно, от союза с ним родилась Марьяна и уже выросла в красивую, очень высокую, кудрявенькую, как херувимчик, умненькую молодую женщину. Сам муженек давно исчез из её судьбы, а замечательная дочь осталась с матерью навсегда.

Долгое время мать и дочь жили вдвоем. Их квартира в те времена была чистенькой, светлой, опрятной и не такой тесной. Им, двоим, вполне хватало места, и не требовалось множества вещей. В этих стенах часто слышался смех подруг и сестер матери, гомон студенческих вечеринок. Питались легко, жили весело и вольно. Но каждой из двух женщин втайне хотелось дополнить свою жизнь, внести в неё смысл новых, волнующих отношений. Найти свою половину. Первой влюбилась мать и усердно принялась вить свое гнездо.

Марьяна влюбилась чуть позже. Жанна Ивановна уже была полностью поглощена своей образовавшейся замужней жизнью, и не заметила, что дочь худеет, волнуется и исчезает по вечерам. Однажды, столкнувшись в молодежной компании с незнакомым молодым человеком из соседнего дома-близнеца, Марьяна влюбилась. Парень был высок, плечист. Он тогда только что вернулся из Афганистана, отдав интернациональный долг народу, нравы которого так и не сумел понять и уважить. Бравого парня звали Виктор Гордеев. Он с гордостью носил медаль «За отвагу», а в серых глазах его стальной молнией часто сверкала мужская, взрослая тоска уже бывалого человека.

Марьяне очень захотелось приблизить к себе героического соседа, как в детстве ребенку хочется занять большую красивую игрушку. В дурмане влюбленности она хорошела и совершала порывистые поступки, мало стремясь выznать истинный внутренний мир своего избранника. Вскоре Марьяна с изумлением обнаружила, что ей удалось вызвать в

молодом человеке очень сильное ответное чувство. Поначалу это привело её в упоительный восторг и возвысило, но позднее девушку стали посещать робкие сомнения. Их отношения развивались, крепились, затягивались тугим узлом, и Марьяна сама сделалась заложницей своей прихоти.

После нескольких месяцев бурных встреч с Виктором, Марьяна стала невольно подмечать, что он простоватый, нервный, ревнивый, но все же она надеялась, что всё образуется. Они молоды и красивы, и им хорошо в постели. А что ещё нужно? Они поженились.

Оказалось, что для наполненной, гармоничной жизни супругов требуется много больше. Главным образом это все чаще ощущала сама Марьяна. Её муж, Виктор, выглядел вполне счастливым и отчаянно любил её всей настрадавшейся большой своей душой. Количество их общей страсти и нежной привязанности не изменилось, а лишь рассредоточилось по иному. У Марьяны что-то с каждым днем утекало, а у Виктора прибывало.

Как бывший воин-интернационалист и герой, Виктор Гордеев состоял в льготной очереди на отдельную квартиру. Очередь продвигалась изнуряюще медленно, хотя отмечаться brave защитникам приходилось очень часто. У родителей Виктора жить было невозможно. Там обретался ещё и его старший брат с женой и сынишкой. В семье Гордеевых жили густо, бурно, с громкими скандалами в будни и песнями по праздникам. А при виде свекрови, похожей на хрестоматийную Кабаниху, Марьяна всегда ощущала приступы дурноты. После свадьбы Виктор переехал в соседнюю пятиэтажку к молодой жене.

Итак, мать и дочь обе вышли замуж, привели в свой дом двух совершенно чужих и далеких друг другу мужчин. Скандалов не было. Чаще зависало драматическое молчание, и запирались двери сопредельных комнат. От этого у Марьяны копилось невысказанное, а мать и мужа не желали ничего замечать.

Через некоторый срок появился ещё один мужчина – сын и внук. Димочка. Ему, конечно, были рады все, но в разной степени. Сержик недоуменно взирал на развешанное по комнатам детское белье. Жанна Ивановна малодушно дала понять всем своим поведением, что ей не под силу оторваться ради внука от совместных чтений со своим мужем. Её любовь последняя, выстраданная, более самоценная, а у молодых всё впереди. Иногда, конечно, Жанна Ивановна жалела свою дочь и устремлялась ей на помощь, но это случалось нечасто. Родившийся внук подчеркивал её статус бабушки и напоминал о возрасте, поэтому он не вызывал у Жанны Ивановны таких нежных чувств, какие возбуждал своим молчаливым видом вечно читающий, лежащий, жуящий умный молодой муж.

Виктор старался больше заработать и подработать, потому часто отсутствовал даже в выходные дни. Марьяна тоже крутилась, как умела. Чаще всего, в вечном загоне и задумчивости, она обнаруживала себя то в магазине, то в детской поликлинике, то в аптеке. Дома приходилось бесконечно стирать, варить, мыть. Она даже ходила на работу, если не болел Димочка. При всем при этом она нисколько не утратила внешней привлекательности. Марьяна имела обманчивую наружность романтической барышни-белоручки и приятные манеры. Под этой личиной давно уже существовала рациональная молодая женщина со стоическим характером, гибкой психикой и тайными желаниями в кудрявой голове.

Марьяна уже раскладывала приготовленную пищу по салатницам, менажницам и тарелочкам. Когда-то она очень любила поесть и даже порой боролась с лишним весом. Теперь она готовила много, но сама ела мало.

Опять нарисовалась мать.

– У тебя так жарко, деточка, – жалостливо сказала Жанна Ивановна. – Уже готово? Моя ты радость!

Дочь окинула взором пухленькую, сдобненькую фигуру матери в батистовой сорочке, отделанной шитьем. Престарелая эротоманка. Она усмехнулась про себя, а вслух ласково сказала:

– Кушать подано. Ты бы, мамулик, переоделась. Уже три часа дня. Скоро Витя придет.

– Хорошо, деточка, хорошо, – защебетала Жанна Ивановна, ставя тарелки на поднос. – Мы, Марьяночка, у себя в комнате пообедаем. Знаешь, дорогуша, начался потрясающий фильм по телевизору. Посмотри и ты. А ещё должна тебе сообщить, что сегодня мы с Сержиком открыли для себя прозу Леонида Бородина. Совершенно чудно излагает. Я дам тебе прочесть. А что ты в салат добавила? Брынзу? М-м, чудно! Вите отложи побольше пирожков. Ну, все, деточка. Я пошла кормить своего Сержика. Брось мне на поднос салфеточек, а то мне самой уже не дотянуться. А что Димочка? Рисует? Вот и умничка.

На маленькой кухне все было под рукой. Марьяна выдвинула ящик буфета и извлекла бумажные салфетки. Жанна Ивановна, словно японская гейша, с большим подносом в руках мелкими шажочками направилась к любимому супругу.

Жанна Ивановна часто культурно просвещала свою дочь подобным образом. Она сама стала читать много журналов и книг, умиляя этим Сергея Николаевича. Он мог обсуждать с женой прочитанное неторопливо и обстоятельно. Их роман имел литературную основу, а отношения развивались гармонично вопреки обстоятельствам и возрастной разнице.

Виктор вернулся после четырех часов дня. Он тщательно вымыл руки, обнял жену позвал на кухню сына. Марьяна присела за стол со своими мужчинами. Вся семья редко собиралась одновременно. Виктор и Сергей старались не докучать друг другу. Они были совершенно разными людьми. Виктор позволял себе громко разговаривать, а Сержик любил тишину. Конечно, это было не самое главное их различие. Противоречий существовало гораздо больше, но их не выпячивали и не выносили для общего обсуждения. В этом не было смысла. Худой мир, несомненно, лучше бесполезной ссоры.

И все же квартирный вопрос в семье стоял очень остро. Все надеялись когда-нибудь разъехаться. Каждый из мужчин обещал своей жене разрешить эту наболевшую проблему по-своему. Имелось в виду, что Сержик в скором времени завершит какую-то важную научную книгу, и ему выделят однокомнатную квартиру, как гонорар. Виктор же был свято уверен, что Родина не забудет своих воинов-интернационалистов, которые почти мальчишками были заброшены в афганские горы. Пройдя ужасы той войны, наглотавшись пыли и песка в чужих краях, получив ранения, он был убежден в своем праве на отдельную жилплощадь.

Приходилось надеяться и терпеть. По вечерам было ещё ничего, вполне сносно. А по утрам все суетливо кружили по душному пространству между ванной и кухней. Вещи и люди находились в тесном вынужденном соседстве. Обретаясь вместе, каждый драматически ощущал свою отдельность. Даже Димочка. Каждый в душе гордился своей индивидуальностью. Кроме Виктора. Он хотел иметь нескончаемую сопричастность со своей женой Марьяной. Но, увы, он не всегда понимал её.

Веселые гости в доме стали редки. Их было попросту негде пристойно принять. Кухня едва вмещает троих. У Жанны Ивановны и Сержика все завалено книгами. В комнате молодых полно игрушек, коробок с лекарствами и даже есть трехколесный велосипед. По всей квартире там и тут расставлены банки с вареньями к зиме. Так что общение с внешним миром происходило по телефону и вне дома. Для Марьяны очень важными были её отношения с подругами. С ними она отводила душу. Самых близких у неё было две – Светлана и Анна.

Они сблизились давно, еще в подростковом возрасте. Учились девочки в разных школах, но их с ранних детских лет водили в одну танцевальную студию. С танцами лучше всего выходило у Светы, зато училась она неважно в отличие от подружек. Они вообще были мало

схожи характерами, но их трепетная привязанность росла год от года. Даже среди семейных забот Марьяна помнила о подругах и, немного освободившись, обычно звонила по телефону безо всякого повода, чтоб соприкоснуться душами.

В то воскресенье Марьяна набирала номер Светланы уже два раза, но муж подруги, Олег, спокойно отвечал, что Светланы нет, и вернется она нескоро. Марьяну разбирало элементарное любопытство, и тихонечко сосала тоска. Где же проводит свой выходной Светлана? И почему сама не позвонит ей? Марьяна всегда удивлялась тому, как разнообразно и насыщенно позволяет себе жить Света. Со стороны кажется, будто ей все удается играючи. Всего, правда, Марьяна не знала, но смутно догадывалась. Подруга доброжелательна, отзывчива, но всегда окружена легкой дымкой тайны.

Виктор занимался с сыном. Молодой папа не жалел своего свободного времени на Димочку. Виктор был очень хорошим отцом, а это значит, что он умел запросто нырять в детство и органично пребывать там вместе с сыном. Они сообща уже две недели собирали точный макет крейсера. Димочка обожал мелкую, кропотливую работу. У него проявлялось недетское терпение, и даже таланты. Для дошкольника он уже хорошо рисовал, выбирая темой для картин сложные технические конструкции и прописывая их детально. Димочка хорошо лепил из пластилина под увлеченным руководством заботливого отца. Они создавали свою миниатюрную эскадрилью самолетов. Несколько пластилиновых аэропланов уже стояли в большой картонной коробке из-под зимней обуви.

Марьяна смотрела на белесую макушку своего худенького мальчика, и внутри у неё все плавилось от любви к хрупкому, болезненному умнице-сыну. Пожалуй, этот не по-детски серьезный человечек еще крепче удерживал Марьяну подле мужа, скреплял их брак смыслом своего существования и вызывал в родителях сильные чувства.

Марьяна набрала телефонный номер Ани, второй своей подруги. Та оказалась дома. Поговорили о житейских пустяках. Обсудили скучный осенний день и себя со своими заботами в этом отрезке бытия. Обе подивились, где же пропадает Светланка.

– И Олег почему-то не знает, где она, – сообщила Марьяна Ане. – Разве такое возможно?

– Завтра вызнаем. Попытаем с пристрастием, – пошутила Анна. – Может, к матери зашла. Может, к Марине, парикмахерше. А, может, по магазинам бегаёт. Ты ведь знаешь её – такая непоседа! Никакая погода не удержит. Ну, до завтра?

– Магазины уже закрылись, а многие и вовсе сегодня не работали, – педантично заметила Марьяна в заключение. – До завтра.

Глава 4

Осенний понедельник

Каждое утро мне необходимо увидеть своего сына. Я частенько возвращаюсь домой, когда сын уже спит, поэтому на следующий день стараюсь готовить ему завтрак сам. Начало дня – наше с ним время. Этот мальчик, Листов Паша, удивительно похож на меня самого, Александра Листова, в его возрасте. Мои детские фотоснимки достоверно подтверждают это сходство. По утрам я стремлюсь осторожно приникнуть к его миру детского восприятия действительности, нам, взрослым, уже недоступному. Мы там уже гости.

Утро – прекрасное время для общения. Дневные, суетные заботы дня ещё не давят на психику, не калечат её. Мой сын распахивает голубые глаза и мгновенно подключается к каким-то особым энергетическим каналам мироздания. Он в ожидании чудес и приключений. Павлуша великодушно впускает меня в свою Страну детства. Я подключаюсь к Паше, и вместе мы, Листовы, готовы к свершениям. Утром легко верится, что все получится.

Вот почему я сам готовлю Павлуше завтрак, в котором часу бы ни вернулся ночью. Ничего сложного: пара бутербродов, йогурт, сок или какао. Когда он был меньше, я варил ему кашу и ел её вместе с ним. А что, полезно! Мы немного болтаем, а потом я выпроваживаю его в школу. Жену это вполне устраивает. Она вольна нежиться в постели или холить свою внешность, готовясь к выходу из дому – в зависимости от обстоятельств в её работе.

Утро октябрьского понедельника безжалостно обнажило наши отношения с Ириной. Ничего не сдвинулось в лучшую сторону, несмотря на внезапное ночное приключение в нашей супружеской постели. Жена оставалась прохладной ко мне. Она будто даже не замечала меня, занимаясь утренними делами. Меня это задевало и злило.

Проводив Павлушу, я опять демонстративно плюхнулся на кровать. Ирина сидела на пуфике перед зеркалом и красила ресницы водоотталкивающей тушью. Почему мне известно, что именно такой? Как-то машинально прочитал на изящном перламутровом контейнере. У меня профессиональное внимание к мелочам.

Жена сосредоточилась на своем деликатном занятии, а я рассматривал её фигурку. Ножка на ножку, спинка чуть вытянута, грудка подалась вперед, а попочка – назад. Очень неплохая поза. Так и хочется пристроиться сзади. А что, мы с ней любили раньше немного секса по утрам.

– Не сверли меня своим взглядом! – не оборачиваясь, резко бросила мне Ирина. – Я сейчас себе в глаз попаду или тушь размажу. Лучше скажи – так и будешь тут лежать? Или опять пойдешь извозчиком работать?

Лучше бы Ирина молчала. Если женщина не может сказать ничего ободряющего мужу, с которым прожила больше десятка лет, то на мой вкус пусть помолчит. Я не ответил ей и сделал вид, что собираюсь снова спать. Что она о себе мнит? Я решил выявить в ней недостатки, глядя полузакрытыми глазами. Вот, губы вытянуты, как у гусыни. А на животе набежала складочка жирка. И ноги стали полноваты. А волосы поредели. И вообще – она не рослая девушка из моих грез. Не хочу я с ней утреннего секса. Впрочем, этого и так не случится.

Ирина ушла. Я прибрал утренний беспорядок в комнатах, потом достал портативную печатную машинку. Я приступил к исполнению своего замысла с ремонтом бытовой техники. Коротенькие объявления я напечатал мгновенно. Я приобрел этот навык, работая следователем. Вначале стучал двумя указательными пальцами обеих рук, подолгу выискивая

нужные буквы, а потом, со временем бегло колотил, как заправская машинистка. Некоторые, кстати, этим делом зарабатывают. Правда, мне маловато будет таких доходов.

Лучшее средство от семейных неурядиц – работа. Пусть даже такая необычная, какая случайно досталась мне.

Доски для объявлений у подъездов были хаотично заляпаны бумагой разных размеров. Одно сообщение наслаивалось на другое. Я с интересом почитал. Предлагалось обучение языкам, в основном – английскому. Кройка и шитье. Вязание. Репетиторство по разным предметам. Спарринг по теннису. Компьютерные курсы. Инструктаж по вождению автомобиля. Неужели все это востребовано? Кто они, эти учителя? Возможно, такие же перестроенные неудачники, вроде меня. Ищут себя, обучая других.

Свою краткую информацию я наклеил на самое видное место – по центру. Пусть простят меня те, чьи листочки спрятались под моим. Мне очень требовалось выловить свою золотую рыбу.

Я взглянул на часы – нужно было обязательно успеть в кафе «Колобок». Там Светлана часто обедала с близкими подругами. Я надеялся, что они придут и в этот понедельник. После выходных им обычно хотелось наговориться вдоволь. Я поначалу просто их выслеживал, наблюдая за ними с улицы, а затем несколько раз сам посетил это чистенькое заведение. С целью изучения обстановки.

Кафе носило детское сказочное название, но никаких колобков на сметане там не подавали. В нем можно было вкусно и недорого пообедать любому взрослому человеку. Кухня самая привычная, немудреная. Меня же очень устраивало то, что столы в кафе отделялись друг от друга декоративными деревянными решеточками, увитыми живым плющом. Неприхотливое растение бойко разрослось. Возникла беспечная иллюзия уединения в индивидуальном зеленом оазисе, но при желании посетителей за соседним столиком можно было услышать и даже увидеть. Мысленно я не раз весьма горячо поблагодарил того неведомого мне человека, который придумал эти милые живые изгороди. Он оказал мне неоценимую услугу. Когда постоянно думаешь о деле, оно начинает тебе поддаваться. Возможно так же, что у моего клиента была легкая рука на всякие начинания, но пока все, так или иначе, складывалось нужным образом.

Я не ошибся. Они опять пришли втроем в тот осенний понедельник. Когда они входили, я уже сидел и мысленно подзывал их ближе. Я уже знал их любимый столик. К счастью, он был свободен. Я предварительно занял соседний стол, устроился с газетой в руках и ждал их с нетерпением страстного любовника. Мне везло. Или моему клиенту Князеву, который, несомненно, немного крейзи.

Их имена звучали музыкой в мозгу. Светлана, Марьяна, Анна. Можно пропеть, как мелодическую фразу. Эта прекрасная троица визуально удовлетворила бы самые взыскательные мужские вкусы. Они были разные, но каждая хороша собой на свой лад.

Все трое высоки. Все блондинки с разным оттенком цвета. Фигура Светланы – с прямыми плечами, исполнена плавных линий без значительных перепадов. Она вся подтянута и красиво несет себя, чуть откинув голову. Волосы у неё гладкие, прямые. Марьяна – обладательница тонкой талии при достаточно развитых, округлых бедрах. У неё удивительно маленькие ступни ног при столь высоком росте. Она изящно движется, чуть поводя соблазнительными бедрами. Мелкие природные кудряшки обрамляют её миловидное лицо, а пышные ресницы всегда чуть приспущены, словно она немного смущена. Анна очень броская. Она шире своих подруг в кости, но не полная. Она крупная, яркая, породистая. Из своих довольно длинных волос Анна каждый день сооружает разные прически. Она может пред-

стать русской девой с косой на плече, а может изобразить роковую даму, собрав волосы в высокий хвост. Она непроста, аристократична, насмешлива, умна. Я неплохо изучил их. Их личности постепенно приобретали для меня объем, содержание, характер и даже запах. Они мне бесспорно нравились.

Подругам явно хотелось поговорить, а мне – их услышать. Настоящая сыскная работа – это разговоры. Раньше, работая следователем, я очень много беседовал с людьми. Просеивал каждое слово, собирая, словно старатель, крупички золотой истины. Теперь я намеревался послушать красавиц подруг, чтоб заполучить информацию. А за неё – деньги.

Ах, эти женские мягкие беседы! В них столько кокетства, трепетности, признательности, даже если речь идет о пустяках. Мужчины говорят иначе.

– Вы как хотите, а я съем порцию пельменей! – решительно заявила Анна. – Я за свою фигуру не волнуюсь.

– Ешь, ешь, твоему художнику будет что рисовать! – приободрила Марьяна. – Завоюет славу Рубенса. У художников не ценятся костлявые тела.

– Я, как всегда, салатик и сок, – оповестила Светлана.

– Я утром кофе с маминым пирогом вкушала.

– Слушайте, девчонки, что делается, а? – перевела разговор в другое русло Марьяна. – Такие сокращения пошли! Надо что-то думать. Пожалуй, придется менять работу.

– Думаешь, тебя коснется? – спросила Светлана. – У тебя красный диплом...

– Что им мой диплом, когда заказов для производства нет? – возразила Марьяна. – А потом я чаще всех в отделе хожу на больничный по уходу за ребенком. Мой Димочка так часто болеет! Я – первый кандидат на сокращение.

– Тебе с твоим слабеньким Димой надо искать место ближе к дому и вообще бы неплохо на неполный рабочий день, – наставительно сказала Светлана. – У меня ведь Ксюха тоже частенько болела. Кроме всяких вирусных инфекций у неё диатез был. Я и не работала, пока моя дочура не окрепла. Да и сейчас она не в садике, а с мамой моей.

– У тебя мама золотая! Настоящая заботливая бабушка для внучки! – воскликнула Марьяна. – А моя маменька только беспокоится о том, как своего Сержика удержать. Что делать, девчонки? Денег не хватает, ребенок болеет, квартиры нет!

– А у меня мужа и ребенка нет вообще, – напомнила ей Анна. – И денег все равно не хватает. Чем мне лучше, чем тебе?

– У вас обоих – высшее образование, а я? Меня первую сократят. Однозначно, – спокойно и убедительно сказала Светлана. – Кто пощадит архивариуса, если инженеров сократят?

– И ты так спокойна? – удивилась Марьяна.

– Что зря волноваться, здоровье портить? Придумаю что-нибудь. У меня столько знакомых в кооператоры подались, деньги хорошие зарабатывают. Кто киоски коммерческие открывает, кто шьет, кто торты на заказ выпекает. Я торты тоже умею печь! – усмехнулась Светлана. – Я даже не могу вам толком объяснить, но почему-то я уверена, что у меня все будет в полном комплекте.

– Интересно, интересно, – произнесла Анна. – Поведай.

– Я всегда мысленно себя вижу в большой, хорошо обставленной квартире. Я одета дорого, в ушах бьюлрики. Дом – полная чаша. Даже домработница есть, – мечтательно поделилась Светлана. – Я как бы знаю, что все поэтапно реализуется. Просто надо потерпеть.

– Здорово! Ну, Светик, ты даешь! – восхитилась Анна. – Я читала у Карнеги, что надо каждый день себя воображать именно тем человеком, каким бы очень хотелось стать. И все обстоятельства постепенно сложатся сами собой, как бы притянутся к тебе. Молодец. Одобрю.

– Тоже, что ли начать воображать себя хозяйкой в новой квартире с большой кухней, – грустно проговорила Марьяна. – Как, сбудется? А, девочки?

– Ты давай Витю своего тормози! Пусть требует, что заслужил, – подсказала Светлана. – Куда там он ходит у тебя?

– В совет воинов-афганцев, кажется, – задумчиво произнесла Марьяна.

– Вот-вот, туда. Пусть требует. Дергай, толкай мужика. Жизнь такая пошла – все надо вышибать. Сама туда сходи!

– Попробую, – вздохнула Марьяна. – Светик, а где ты вчера была? Мы обе тебе звонили, и не раз.

– Ты от нас что-то скрываешь, дорогуша, – продолжила шутовское дознание Анна. – Подруг предупреждать надо, а то мы однажды тебя же и подведем ненароком своими звонками. Ты мужу можешь плести, что угодно, а нас не проведешь.

Наступило молчание. После некоторого раздумья, Светлана вдруг заявила, чуть понизив голос:

– Есть у меня один человек, девчонки.

– Светка, правда?! – удивилась Анна. – Я ведь так, шутила без задней мысли. Ну, вы, мадам, даете! Это надо ещё переварить. Ой, сейчас,пельмень проглочу, не разжевав! Если от таких интересных мужиков, как твой Шабанов, жена, то есть ты, бегаешь на сторону, так, может, мне и вовсе замуж не выходить? Что, так заедает семейная жизнь, а, девочки?

– Сложно все объяснить. Как-нибудь в другой раз, – ответила Светлана. – Я сказала вам потому, что вы мне самые близкие, проверенные люди. Носить в себе тайны подолгу бывает мучительно. А замуж, Анька, все равно выходи. Только не за своего этого художника. Семья – это как остров в океане. Твердыня.

– А где вы встречаетесь? – подала голос Марьяна.

– Он квартиру снимает для меня, – спокойно призналась Светлана.

– Он, что так обеспечен? – Марьяна не могла скрыть удивления.

– Да, у него все в порядке. Он за границей несколько лет работал, да и здесь удачно устроился.

– А он женат? – голос Марьяны немного дрожал от волнения.

– Нет, – коротко заявила Светлана.

– Высший пилотаж! – рассмеялась Анна и легонько хлопнула в ладоши.

– Всё, не терзайте больше меня, девочки, – суховаго попросила Светлана. – Сказала вам, а теперь уже жалею.

– Да ладно, не казись, – поспешила успокоить её Анна. – Мы же видим, что носишь в себе свой «большой секрет для маленькой компании» и изводишься. Светка, что бы ни произошло, мы всегда твои союзницы. Тебе хорошо – и замечательно! Главное в этом деле – рассудительность. Холодная голова. Тогда и встречи будут горячими! Ты ведь у нас умница, хоть и без пресловутого высшего образования. Правда, Марьяша? Чего молчишь?

– Да, наверно, правда, – отозвалась Марьяна. – Мне трудно судить. У вас, девочки, жизнь бьет ключом. Встречи, тайны. А у меня с милым рай в панельном шалаше. Я в этом шалаше верчусь-кручусь. Так надоело все. Может, развестись?

– Ну, и дура ты! – несколько раздраженно сказала Светлана. – Развестись, чтоб соплей на кулак намотать? Твой Виктор тебя обожает! Ему легче тебя и себя убить, чем просто уйти из семьи. А сын? Ты сама выбрала эту жизнь и этого мужчину. А уж родила ребенка – думай о нем в первую очередь. Ищи врачей хороших, делай обследования, разберись в причинах его болезней. Я с Ксенией четыре года сидела дома, ты же знаешь. По больницам намоталась, а в свободное время шапки меховые шила. У меня одна знакомая шапками на рынке торгует. Она заказы мне подкидывала. Шить их очень трудно, все руки попортишь, бывало. Но ребенка на море возила уже два раза.

– Ты шила шапки? – Анна опять изумилась и рассмеялась. – Вот это ново! А подругам ни разочку не предложила!

– А Олег? – спросила Марьяна.

– А что Олег? – остывая, ответила Светлана. – Он весь в своей науке. И он мне муж. Ксении – отец. Бывает, злюсь на него, а молчу, улыбаюсь. И до полночи шапки шью. Вот тебе и жизнь ключом.

– Где же ты своего мужчину встретила? – поинтересовалась Марьяна.

– Их в самых неожиданных местах можно встретить, – неопределенно ответила Света. – Уже жалею, что проговорилась вам.

– Ну, что ты, Светочка! – спохватилась Марьяна. – Прости меня за мое нытье. Не обижайся.

– А мне тем более завидовать нечего. Отец у меня ведь очень рано скончался, а до этого долго болел. Сами знаете. Мать оправиться от горя не может по сей день. А я встречаюсь с женатым художником и не знаю, выйду ли вообще когда-нибудь замуж. У меня нет мужа, ребенка и родни, на которую я могла бы надежно опереться. У меня только вы, – разоткровенничалась Анна. – Все, девочки, пора. Опять опоздаем с обеда.

– А чего спешить? – грустно пошутила Марьяна. – Все равно нас скоро сократят.

Через минуту все трое поспешно вышли из кафе.

К каждой жизни есть свой ключик, как к заветной шкатулке. Если его подобрать, то крышка легко поднимается, и все тайное становится явным. Правда, шкатулка может оказаться ящиком Пандоры, и тогда наружу вылезут ужасные человеческие пороки.

В тот день они мне сами вручили свои ключики. Кроме их признаний, я уловил в беседе ещё нечто важное. Интонации. Это очень существенно. Мне везло.

* * *

После работы Светлана сразу поспешила к матери.

– О чем ты хотела поговорить? – спросила она у Натальи Петровны, снимая пальто.

– Проходи, садись, – очень строго сказала мать, проводя её на кухню и закрывая дверь. – Пусть Ксюша пока побудет с дедом. Ответь мне, дочь: у тебя кто-то есть кроме мужа?

Вопрос был задан очень прямолинейно, при этом Наталья Петровна смотрела в упор. Светлане сделалось очень неуютно и даже холодно. Она поежилась, затягивая с ответом.

– Что молчишь? Прикидываешь, что сказать? Не вздумай врать, я знаю это точно.

– Зачем тогда спрашиваешь? – осведомилась Светлана.

– Хочу посмотреть в твои бесстыжие глаза! – Наталья Петровна гневилась не на шутку, но говорила вполголоса, почти шептала.

– Мама, я взрослая женщина! И ты сама, между прочим, женщина!

– И что? Взрослая – можно гулять? Твой Олег мне дороже сына. Я намерена сказать ему, чтоб он присмотрел за тобой. Немного прижал тебе хвост.

– Вот оно что! – изумилась Светлана. – Ладно, слушай, раз так. Это будет самый глупейший твой поступок. Сейчас у нас все спокойно, а начнутся бесконечные ссоры. И я не знаю, как вообще поступит Олег. Он такой же идеалист. То, что тебе не нравится, уже случилось. Уже есть этот мужчина. Он очень заботится обо мне. Не руби с плеча. Испортишь жизнь всем сразу.

– Послушай, Света, я погорячилась, – поспешила разрядить обстановку мать. – Ничего, конечно, я Олегу не скажу. Я ужасно боюсь, что ваша семья распадется. Я этого не переживу.

– Мама, – решительно начала Светлана. – Это длится пять лет. И ничего – все живы и здоровы.

– Пять лет?! – ужаснулась Наталья Петровна. – А Ксения? Чья в ней кровь?

– Это дочь твоего дорогого Олега. Неужели не видно? Она – его копия.

– Да, это так, – немного успокаиваясь, согласилась Наталья Петровна. – Послушай, что скажу. Мы с отцом люди простые. Работагами начали, работагами и на пенсию ушли. Когда еще в школе Олег стал ухаживать за тобой, ваша классная дама, Антонина Александровна как-то оставила меня после родительского собрания и стала убеждать, что ни к чему тебе с Олегом дружить. Намекала, мол, надо рубить сук по себе, мол, не следует морочить голову замечательному мальчику. Ничего хорошего из этого не выйдет. Он ведь отличник был, гордость школы. Я слушала её, кивала, а сама думаю – нет, не буду я вам мешать. Вдруг удастся моей девочке попасть в хорошую семью. На счастье так и вышло. И мать его, свекровь твоя, приняла тебя, приветила, не чванилась. Наша Ксюша умницей растет. Дай мне слово сейчас, что не порушишь свою семью. И больше не будем об этом говорить.

– Вот Антошка! Какие интриги плела! Ей то что? – удивилась Света. – Ну, ладно, дело прошлое. Да, я была не из тех девочек, с которыми рекомендовали дружить мальчикам.

– Слово мне дашь? – настойчиво повторила мать.

– Да, даю, – тихо ответила Светлана. – Все на этом?

– Все.

* * *

Вечером она мне позвонила и пожаловалась на свою стиральную машину. У неё была отечественная «Вятка»-автомат. У меня дома стояла такая же. Я знал её досконально. Мы договорились о встрече.

Чуть позже, когда я смотрел футбол, несколько удивленная жена подозвала меня к телефону.

– Саш, тут кто-то спрашивает тебя. Говорят, насчет ремонта.

– Что у вас? – деловито уточнил я, приняв телефонную трубку из рук жены.

– У меня электромясорубка, – с прискорбием сообщил мне незнакомый женский голос. – Корпус треснул. Я без неё, как без рук. Поможете?

– Посмотрим, разберемся, – пообещал я и записал адрес.

Ирина стояла рядом и смотрела на меня с нескрываемым недоумением. Мое молчание подогревало интерес жены к происходящему. Лыдинки в её глазах таяли от любопытства. Я же решил не отвлекаться от матча. Я очень люблю футбол.

Глава 5

Пешие прогулки на свежем воздухе

Разговор подруг в кафе был недолгим, но все произнесенные слова, словно рассыпавшиеся с нитки бусины, закатились в потаенные уголки женских душ. Внезапное признание Светланы явилось сильным толчком для личных переживаний Марьяны и Анны. Нахлынувшее смятение вызывало сомнения, повлекло к раздумьям. Но иногда даже очень близкие люди неожиданно отдаляются друг от друга в индивидуальной безбрежности мыслей, и общие события рассматривают сквозь тайную призму своих мироощущений.

* * *

Марьяна, как обычно, села в троллейбус, но вскоре вышла, много не доехав до своей остановки. Ей стало вдруг бесконечно сиротливо в людской толчее и нестерпимо душно. Захотелось пройтись по улице.

Марьяна не любила одинокие прогулки. Её всегда приводили в замешательство откровенные чужие взгляды, притянутые выразительными формами её фигуры. Но в тот день ей жгуче хотелось событийной новизны. Любой. Она вдруг ощутила, что заинтересованные беглые взоры мужчин бодрят её.

Обычно она вела за руку сына Димочку или сама держала под руку мужа Витю, и шла, чуть потупив глаза. Люди обтекали их со всех сторон, а Марьяна привычно оставалась в оболочке своей семьи. А если позволить себе смотреть чуть смелее в ответ посторонним мужчинам, то прогулка превращается в занимательную игру. Привычные рамки раздвигаются. Вот она, а вокруг плещется людское море. И все может стать, если не отвергать возможности. Все зависит от собственного настроения.

Марьяна сама в себе прекрасно разбиралась. Ей не хватало решительности в поступках. Тихий голосок, идущий от глубин подсознания, часто нашептывал ей что-то, но она не позволяла своим тайным фантазиям влиять на явную, установившуюся жизнь. Любые перемены всегда пугали её.

Светлана чуть приподняла занавес, и Марьяна смогла окончательно убедиться, как разнятся их жизни. Она иногда втайне завидовала дерзкой и отчаянной Светлане, а теперь ей и вовсе пришлось остро и коротко переболеть этим чувством. Быстротечная болезнь дала серьёзное осложнение. В дебрях Марьяниной психики прослушивалось шевеление. Зрели неведомые семена. Марьяна и сама не знала, каков будет урожай, но уже ощущала внутренний надлом. Всходы рвались наружу.

Чем отличается один её день от другого? Сегодня – наваристый борщ и котлеты, а завтра – тонкая домашняя лапша на курином бульоне и блинчики с мясом. Порезаны тонны салатов, испечены горы пирожков, а внутри столько скопилось невысказанного, нерастраченного.

Что радовало её в последние годы? Если у Димочки прошел насморк или нет болей в животике, то она счастлива. Если Димочка очень натурально нарисовал пожарную машину, а она отнесла этот шедевр показать подругам, то их восторги возвышают её. Ещё Марьяну очень воодушевляли собственные гастрономические подвиги: продукты, добытые в очередях или приобретенные по случаю. Венгерские замороженные куры и утки в ярких пакетах. Болгарский консервированный горошек. Родная сырокопченая колбаса и молочные сосиски.

И, даже страшно подумать, – розовая датская ветчина в баночке в виде красочного утюжка и испанские черные маслины. Марьяне случалось отхватить и такой дефицит.

Зачем-то усердно училась в Авиационном институте и даже получила красный диплом. Преподаватели хвалили, все близкие поздравляли, чего-то наперебой желали и дарили цветы. И к чему это её привело? Восемь женщин каждое буднее утро слетаются в одну и ту же комнату с зелеными стенами. Первые полчаса щебетанье и толкотня у зеркала, а потом восемь головок склоняются к чертежам и расчетам. Восемь волшебниц портят свои прекрасные глаза, вычерчивая сложные контуры карандашом и тушью на бумаге. Когда нанесен последний штрих и поставлена подпись, их чертежи и эскизы начинают свою самостоятельную жизнь независимо от авторов.

Умницами руководят солидные мужчины. Они бывают властными, вздорными, нетерпимыми. У них всегда что-то горит. Сроки, планы, заказы, премия. А теперь и заказов все меньше, премии нет вовсе, а зато нервозности все больше.

И так всегда по будням – техпроцессы, расчеты, чертежи, согласования. А по выходным и праздникам – обеды дома, обеды у свекрови. Самые яркие впечатления – откровения близких подруг и мамы пересказы прочитанного ею вместе с Сержиком. Даже любовь к Виктору поблекла, стусевалась, скукожилась. Она вроде бы есть, но компактно свернулась. Да и как может быть иначе в тех жилищных условиях, в которых они вынужденно существуют?

Мысли роились и больно жалили изнутри. Голова походила на гудящий улей. Нужно было действовать, чтоб избавиться от этого.

Когда Марьяна входила в дом, она уже была немножечко другая.

На кухне хозяйничала Жанна Ивановна. Рядом сидел Сергей Николаевич с книгой и карандашом. Марьяна невольно залюбовалась, как мать вполне ловко и энергично управляет вместо неё на кулинарном поприще.

– Доченька! – воскликнула Жанна Ивановна. – А мы то разволновались! Тебя нет и нет! Димочку из садика забрал Сержик. Представляешь?

Такой лапочка!

– Кто, Дима? – уточнила Марьяна.

– Сержик! – восторженно поправила её Жанна Ивановна.

– А-а... Спасибо, – слабо отозвалась Марьяна. – А где Витя?

– Я послала их с Димочкой в магазин за свежим хлебом, – сообщила Жанна Ивановна. – Сейчас уже должны явиться. А вас что, задержали? Устала деточка?

– Да, немного.

Опять хлопнула входная дверь.

– Мама! – закричал с порога вошедший сын. – Мы с папой купили хлеб, булки и даже торт! Я сам платил деньги! Я помогал нести продукты!

Марьяна снисходительно улыбнулась:

– Оказывается, вы у меня все умеете.

– Да, мы с папой будем тебе вместе помогать! – пообещал сын.

– Предлагаю выдвинуть стол, чтоб всем разместиться по такому случаю, – сказал Сергей Николаевич. – Витя, помоги.

– А у меня есть бутылочка сухого вина, – торжественно заявила Жанна Ивановна. – Болгарская «Монастырская изба».

Ужин получился неожиданно праздничным, шумным и долгим. Такого давно не случилось. Все оживленно общались, толкались локтями, передавали тарелки, роняли вилки.

– Вилка упала! К неожиданным гостям! – шутил Сержик.

– А у меня салфетка улетела! – включился в игру Димочка. – А у папы большие крошки падают.

– Деточка, ты не забыла, нам в среду вечером надо навестить тетюшку Майю, – напомнила Марьяне Жанна Ивановна.

Марьяна и правда запамятовала о безнадежно больной диабетом тетке, старшей сестре матери. Она ужасно располнела, едва перемещалась по дому и очень редко выходила на улицу. Её поочередно навещала вся родня. Напоминание о Майе Ивановне вдруг навело Марьяну на некоторые соображения, которые она пока не хотела никому высказывать.

– Конечно, мама, конечно, – сказала она матери. – В среду обязательно пойдём к нашей толстушке Майке.

Посуду вызвался помыть Виктор, а вытирать её попросился Дима. Они остались на кухне, а Марьяна направилась в комнату матери. Она присела на краешек кровати и обратилась к Сергею Николаевичу:

– Сережа, ты ведь, кажется, руководишь отделом?

– Да, а что? – удивленно спросил Сержик.

– И большой у тебя коллектив?

– Почти тридцать человек.

– Такие все славные! – воодушевленно зашебетала Жанна Ивановна.

– Ваша организация ведь довольно большая? – въедливо уточняла Марьяна.

– Ну, сравнительно невелика, но финансирование наших проектов и изысканий пока на должном уровне, – с достоинством ответил Сергей Николаевич.

– И очень удобно – ваша контора рядом с домом, – подметила Марьяна.

– Ты это к чему? – насторожилась мать.

– Я могла бы работать там. Подыщи мне, Сережа, хорошее место. Я бы хотела иметь неполный рабочий день. Это будет удобно для нас всех.

– Что это ты надумала, деточка? – встрепелась мать.

– Я хочу сменить работу. И уверена, что Сережа в состоянии мне помочь.

Слова Марьяны прозвучали тихо, но твердо.

– Я постараюсь, – также тихо пообещал Сергей Николаевич.

– Вот-вот, постарайся, – чеканно произнесла Марьяна и вышла.

В квартирке воцарился вечерний покой. Жанна Ивановна с мужем углубились в чтение, лежа в постели. Виктор занялся с сыном. Марьяна пошла в душ.

Освежившись и обсыхая, Марьяна долго рассматривала себя в большое зеркало в ванной комнате. В туманящемся стекле отражалось её нежное сливочное тело. Марьяна протерла зеркало полотенцем, и в нем четко проступили волнующие, головокружительные очертания её фигуры. Мелкие, светлые, игривые пружинки влажных волос придавали всему облику мягкость. Они у неё подобны на голове и внизу, где образуют тайный, трепетный треугольник. Его всегда жалко подбривать. Эта легкая поросль – словно продолжение божья замысла молодой красивой женщины. Ботичеллиевская Венера, рожденная из морской раковины, только даже более чувственная. И что, это все великолепие должно медленно увядать в тесноте двухкомнатной квартирке? Нет, эти бедра должны соблазнять. Марьяна должна покорять и восходить выше.

Зеркало быстро покрывалось влажным налетом. Марьяна протерла его и взгляделась в свое отражение вновь, словно ища поддержки у своего двойника, словно ожидая одобрения своих мыслей.

Марьяна вслушивалась в себя, как акустик, пытаясь нащупать свою многомерность и неординарность. Нащупать и зафиксировать ощущение, чтоб создать необходимый настрой.

Её подруга Светлана уверена в себе и в своем жизненном успехе. Она свободно перемещается в житейском море, имеет свой остров с твердой почвой под названием «Семья» и смело присваивает себе все остальное, что ещё сочтет нужным. Фортуна сама плывет к ней в руки. Светлана спокойно дожидается её даров.

Все верно, люди могут быть кем угодно по профессии. Даже бездельниками могут быть. Но все они обязательно делятся на удачливых и неудачников. Марьяна пока ощущала себя пленницей в чужом стане. Ей очень захотелось перебраться к любимчикам фортуны.

* * *

Анна любила ходить пешком. Ей нравилось энергично и быстро шагать по знакомым улицам. Воздух бодрил, усталость отступала. Анна знала, что даже после короткой прогулки она хорошеет. Восхищенный взгляд художника Эдуарда Ивлева при встрече – лучшее тому подтверждение.

До мастерской Эдика двадцать минут ходьбы. Они и познакомились именно на этом коротком пути, прямо на улице. Она неспешно выбирала у лотка журналы, а он подошел купить газету. Это произошло более двух лет назад, весной, в погожий майский день.

– Чудный выдался день, не правда ли? – сказал он ей тогда так естественно, будто старой знакомой.

– Да, – легко согласилась с ним Анна. Ведь это была правда.

– А таких женщин, как вы, теперь уже не бывает, – доверительным полупшепотом заметил он. – Вы – штучная. Раритет. Мне можно верить.

– Почему?

– Я – художник, – просто ответил он. – А мы в этом кое-что понимаем.

Вот так красиво все началось.

Позже от самого Эдуарда Анна узнала, что он применил простой психологический прием, обратившись к ней у газетного лотка. Любого человека можно быстро расположить к себе, если говорить с ним ровно и доверительно, а в начале беседы невзначай задать ему какой-либо вопрос, на который собеседник ответит заведомо утвердительно. Это настраивает на позитив. Она вообще многое узнала, общаясь с Эдиком.

С ним было занятно. Он был изобретательным любовником и неутомимым рассказчиком, но он не годился в мужья.

Он исподволь воспитывал её на свой лад. Он рисовал её. Он любил её крупное тело. Он играл её именем. Эдуард пристраивал к имени своей подруги буквы, слоги, сокращал его и переименовывал. Каждый раз получалось нечто новое. Ньюра. Анюга. Анита. Антуанетта. Анина. Анта.

Произвольно меняя её имя, он извлекал из Анны новую сущность. Начиналась их сугубо интимная, увлекательная игра. Эдуард сам делал ей прически, выстраивая особый образ своей любовницы. Анна обычно вступала в его игру по наитию, не ведая точных правил, но, догадываясь, что непременно испытает неведомые ранее ощущения.

Эдуард был действительно талантлив и востребован. Он умел ладить с нужными людьми. Он неплохо зарабатывал. Но все же он не годился в мужья. Во-первых, потому что был уже женат, а во-вторых, никогда и не рассматривал всерьёз такую возможность.

Анна постепенно привязалась к своему художнику. Эдуард был старше её на десять лет, а её неодолимо тянуло к более зрелым мужчинам. С ровесниками у неё ничего не складывалось. Ещё одной причиной этой привязанности была ранняя смерть её любимого отца. Анна подсознательно искала ему замену в своей жизни.

Вся юность Анны прошла подле отца-инвалида. С самого её рождения он уделял дочери много своего радетельного внимания, но ужасный недуг свалил сильного, умного человека в самом расцвете лет и карьеры. Рассеянный склероз. Год за годом, шаг за шагом, болезнь обездвиживала тело отца. Это было страшно, но мать и Анна стойко боролись до последнего дня. Но отец все равно угас, и дух тяжелой болезни и горя до сих пор не выветрился в их доме.

– Я жду тебя с нетерпением, Энн! – бросил ей вместо приветствия Эдик, не отрываясь от работы. – Ты сегодня мне очень нужна. Мне никак не дается замысленный образ. Поработаешь моей моделью?

– Конечно. Как всегда.

– Ты голодна?

– Съела бы чего-нибудь. Немного.

– Посмотри сама. Есть вяленый инжир, яблоки, печенье. Конфеты были.

– Я люблю мясо, ты же знаешь.

– А-а, колбасная душа! – снисходительно рассмеялся Эдик. – Открой холодильник. Я приберег для тебя твою любимую – московскую летнюю. И знаешь что – выпей немного вина.

– Это обязательно? Я хотела кофе.

– Нет, вина, только вина, моя дорогая! – с пафосом возразил Эдик. – Кофе бодрит и отрезвляет, а ты мне нужна сейчас слегка хмельная.

Анна порезала бутерброды, налила себе вина. Прodelывая все это, она не переставала наблюдать за Эдуардом. Ей нравилась его увлеченность новой работой.

– Ты еще не разделась? – нетерпеливо поторопил он её, обернувшись.

– А ты мне не поможешь? – Анна призывно улыбнулась. Ей захотелось ощутить его крупные руки на своей коже. Вино слегка вскружило Анне голову. Желание медленно вызревало в молодой женщине.

– Помнишь, как в излюбленном всем народом фильме – сама, сама! – скомандовал Эдуард.

Анна послушно разделась, а затем Эдуард уложил её, так, как требовалось ему по замыслу картины.

– Ты – утомленная вакханка. Тот, кто желанен тебе, напротив. Смотри податливо. Думай – я есть только то, что ты хочешь. Вот-вот, то, что мне надо! Глаза, румянец. Даже соски поднялись и затвердели! Умница моя! Замри!

Эдик говорил, как режиссер, выстраивающий мизансцену, – серьезно и безапелляционно. Анна знала его манеру работать. Она только осторожно спросила вполголоса:

– Хороший заказ?

– Более чем. Несколько картин для нового ресторана.

– Какая честь! – пошутила Анна. – И где же я буду своим телом способствовать наилучшему пищеварению граждан?

– В Амстердаме, дорогая, в Амстердаме. В Голландии. Все, за дело!

Но плодотворно поработать над заказом Эдику в тот день не удалось. В дверь мастерской требовательно позвонили.

– А, черт! Кто там ещё? – возмутился Эдуард. – Ты закрыла дверь?

– Да.

Эдик придвинул ширму, отгораживая свою утомленную вакханку от суетности всего мира, и пошел открывать. Анна сменила позу, накинула халат, потянулась за глянцевым журналом.

Анна не могла видеть вошедших, но догадалась по их голосам, кто они. Сомнений не было – пришла жена Эдуарда вместе с детьми.

– В чем дело, Зина? – голос Эдуарда звучал раздраженно, но не громче обычного тона. – У меня заказ, я работаю! Я занят, черт возьми!

– Ты всегда занят, – с нервной веселостью в голосе отвечала ему Зинаида. – А мне надо уехать дня на три. Иногда и ты мог бы позаботиться о детях.

– Я работаю, – настойчиво твердил Эдуард. – Неужели нельзя как-то иначе решить вопрос с детьми? Ты ведь мать...

– А ты отец, – запальчиво напомнила ему жена. – И что в том плохого, если дети посмотрят, что творит их папочка? Это даже пойдет на пользу им и тебе. А кто там у тебя за ширмой спрятался? Натурщица?

Послышалось ходкое цоканье каблучков, и через мгновение миниатюрная, ухоженная женщина возникла прямо перед Анной. Хорошо зная творения своего друга, Анна с первого взгляда на неё поняла, что именно этот мотив несколько кукольного лица улавливался в обликах некоторых женских персонажей, созданных художником.

– Подрабатываете натурой, милочка? – с легким вызовом и превосходством в голосе спросила Зина.

– Да, в свободное от основной работы время, – спокойно, с достоинством ответила Анна. – Денег, знаете, часто не хватает. Так что позирую творческим людям, когда приглашают.

– Это не вы послужили моделью для известной скульптурной композиции «Рабочий и колхозница»? – Зина откровенно провоцировала, вызывала на скандал. – Вы Мухиной не позировали?

– Нет, это не я, – миролюбиво улыбнулась Анна и добавила, выдержав паузу. – Но я знаю кто.

– Кто же? – искренне удивилась Зина.

– Моя бабушка. Вы немного заблудились во времени.

Жена художника не стала парировать выпад. То ли запал у неё истощился, то ли она его приберегала для мужа. Зина лишь небрежно скользнула взглядом по крупной фигуре Анны, и Анна, перехватив его, поняла, что ситуация для Зины не нова. Она даже и не встревожена по настоящему. Каблучки её дробно застучали назад.

Из-за ширмы Анна невольно услышала незначительное продолжение супружеского диалога. Ничего скандального, даже без колкостей. Обычный, пресный супружеский обмен уступками и мнениями. Каждый что-то выторговывал, но всё же приспособливал свою позицию к позиции партнера. Затем Зина зацокала по направлению к выходу.

– Зизи! – вдруг с досадой окликнул свою жену Эдуард, словно вспомнил, что же он ещё не успел сказать ей на прощание.

Ответа не последовало. Лишь глухо хлопнула входная дверь. Видимо, детали для Зины не имели значения. Она добилась чего-то важного для неё.

Пока Анна неловко одевалась за ширмой, в её мозгу звенел этот оклик Эдуарда – «Зизи!» Короткое, интимное имя удивительно подходило миниатюрной Зине. Значит, и с женой изобретательный муж играл, метко подбирая ей имена по своему настроению. Значит, участницы игры чередуются, а сама забава неизбывна. Это у неё, у Анны, всё имеет место быть в первый раз. А у даровитого Эдика, возможно, даже не во второй, и не в третий. Все старо, как мир. Их треугольник оказался банален, как и многие.

Выйдя, Анна увидела две растерянные симпатичные детские мордашки и обескураженного Эдика.

– Ну, что с ними делать? – сказал он то ли себе, то ли ей.

– Что делать? Чай пить! – весело откликнулась Анна. – Здравствуйте, ребятки! Я иногда помогаю вашему папе. Работа на сегодня закончена, давайте к столу! Любите конфеты?

– Шоколадные? – деловито уточнил мальчик. Он был старше своей сестренки на год-два.

– А вот сейчас посмотрим. Давай, помогай мне.

Анна усадила детей. Эдуард тоже примкнул к ним. Он выглядел обмякшим, усталым, голодным мужчиной. Зина ловко сбила весь его богемный апломб.

– Ну, вот и славно! Кушайте, а я теперь пойду! Мне пора! – засобиравшись Анна.

– Анюта, я завтра этих гавриков пристрою к бабушке, – извиняющимся тоном пообещал Эдуард, подавая ей у входа пальто. – А ты приходи в это же время. Придешь?

– Не могу обещать, но постараюсь, – неопределенно ответила Анна.

На улице падал редкий снежок и тут же таял под ногами. Первое зазимье. Анна вспомнила, как бабушка именовала октябрь месяцем-свадебником. Красивое название. Мудрый смысл. В преддверии долгой зимы очень хорошо обрести свой отдельный семейный очаг. Со многими это случается вполне естественно, а вот у неё, у Анны, никак не выходит.

Воздух заметно выстудился. Анна спешила домой, но все же она остановилась купить на лотке несколько газет с объявлениями о вакансиях на различных предприятиях. Ей нестерпимо захотелось перемен.

* * *

Любые волнения в своей жизни Анна привыкла делить с близкими подругами. От этого отрада утраивалась, а печаль дробилась натрое и постепенно измельчалась вовсе. Перемазывалась в муку.

Первой она позвонила Марьяне. Эмоционально обрисовав происшествие в мастерской Эдуарда Ивлева, Анна с волнением ждала её суждения.

– По крайней мере, нескучно, Анечка, – певуче откликнулась подруга. – И картины у него получатся замечательные, я уверена.

– Так что, ты считаешь, мне продолжать позировать ему дальше?

– Люди сходятся и расходятся, а картины остаются, – также нараспев загадочно сказала Марьяна. – Доведи работу до конца.

– И на фиг тебе такой кордебалет с участием этой Зины-корзины? – по-простецки сказала Светлана, когда услышала рассказ Анны. – Не трать на этого Эдика свои годы, Анька. Оглянись вокруг!

– А как же заказ для голландского ресторана? Ведь уже начали...

– А картины надо завершить! – резюмировала Светлана. – Мы ещё будем гордиться тобой. А Эдику потом дашь отставку.

Глава 6

Мастера вызывали?

Блондинка назначила мне время визита к ней – десять утра, четверг. Я с удивлением поймал себя на том, что волнуюсь, словно мне предстояло первое свидание. В некотором смысле это так и было.

Я рано проснулся в тот день. Тщательно вымылся, вдумчиво оделся. Едва ли ремонтных дел мастера так щепетильно относятся к своему рабочему облачению, но у меня так вышло. Видимо, подсознательно мне очень хотелось произвести на блондинку приятное впечатление.

Знакомый подъезд. Мое объявление на прежнем месте. Лестница, четвертый этаж. Обычная дверь. Но открыла мне её незаурядная женщина.

– Мастера вызывали? – простовато спросил я.

Словесного ответа не последовало. Распахнув дверь квартиры, она продолжала начатый с кем-то разговор по телефону. Трубку радиотелефона Светлана держала в левой руке, а грациозным жестом правой руки она пригласила меня внутрь помещения. Движением правой кисти, очень похожим на то, которым тормозят попутные автомобили, Светлана как бы указала мне место стоянки в прихожей, ограничивая тем самым мое возможное самостоятельное передвижение по комнатам. Следующий за этим легкий кивок и улыбку я истолковал, как просьбу извинить её и немного потерпеть.

А я и не спешил. Небольшая заминка пришлась мне очень кстати.

Дело в том, что в первые мгновения рядом с ней я вдруг ощутил пустоту в своей голове и какую-то странную мягкость в центре тела. Мои внутренности предательски плавись и превращались в желе. Я был застигнут врасплох такой детальной материализацией во плоти своих скрытых фантазий. Светлана стояла предо мной в коротких трикотажных шортиках и в умопомрачительной маечке. Что-то типа костюмчика для аэробики. Её длинные, стройные ноги были открыты моему взору, и вряд ли раньше мне приходилось видеть столь близко более совершенные экземпляры человеческих нижних конечностей. Их кожа казалась отшлифованной, а колени – изящно выточенными.

Небольшая грудка была откровенно обтянута тонким трикотажем. Её форма отлично прорисовывалась, потому что лифчик отсутствовал. Свои светлые волосы красавица небрежно сколола на затылке, и они выбивались тонкими прядками справа и слева. Отсутствие порядка в причёске не нарушало общего впечатления. Благодаря этому открылись прямые плечи и сильная шея. Таким образом, я смог окончательно убедиться, как обворожительно пластика и привлекательна природная красота этой молодой женщины.

На противоположной стене висело небольшое зеркало. Я увидел в нем свое побледневшее лицо и постарался придать ему больше серьезной сосредоточенности и даже суровой озабоченности. Это мне помогло собраться. Импульс от лицевых мышц пошел внутрь. Я постепенно овладел собой в полной мере.

– Я извиняюсь, – хозяйка квартиры, наконец, сочла нужным обратиться ко мне. – А ты вовремя пришел, молодец. Не люблю ждать. Ну, заходи сразу в ванную. Вот она, моя машина. Ты располагайся, приступай, разбирайся, а я должна сделать ещё несколько звонков. У меня сегодня день такой загруженный – специально отгул на работе взяла.

Я решительно развернул агрегат и начал отвинчивать крепеж задней панели. Через пару минут работы я спохватился, что надо было, пожалуй, вначале запустить стиральную

машину на холостом ходу, но уже не стал снова вкручивать винты. В конце концов, у каждого мастера свои методы. Главное, найти и исправить дефект. В общем, я продолжил свое исследование. Методично.

Тем временем Светлана общалась с разными людьми посредством телефонной связи. Я внимательно вслушивался. Речь велась по поводу какого-то помещения. У одних она выясняла, как оформить его в аренду и незамедлительно подключала других для решения этого вопроса.

– Ну, как дела? – спросила она, заглянув ко мне почти через час. – Поддается моя голу-бушка?

– Скоро будет полный порядок! – пообещал я. – Заработает, как миленькая!

– Да, без неё, как без рук! Ничего не успеваю! – сказала Светлана.

– Ты, хозяйка, видно, деловая женщина. Чувствуется хватка, – я решился вывести её на разговор, и смело обратился к ней на «ты». Ведь она сама задала этот приятельский тон.

– Да где там! – весело возразила Светлана. – Пытаюсь только открыть свое маленькое дельце. Такие времена, отставать нельзя, хотелось бы попасть в струю. А вообще-то я пока архивариусом работаю. Смешно моя должность называется, да?

– Да, забавно, – согласился я.

– Подруги нашли мне эту работу. Это так, временно. Ты ведь тоже, пожалуй, не мастеровой? – вдруг спросила она.

– С чего это ты взяла?

– Вижу, – лукаво ответила она. – Руки выдают. Одежда. Прическа. Одеколон. Ты, скорее всего, инженер какой-нибудь. Сейчас многие из них не у дел. Все ищут приработок.

– Ну, наблюдательная ты, хозяйка! – я изобразил искреннее удивление её прозорливостью. – Даже приятно, черт возьми, ощутить такое внимание к своей персоне. Тем более что оно исходит от очень красивой женщины.

– Спасибо! – поблагодарила она. Обычное слово прозвучало в её исполнении особенно. Азартно. Жизнелюбиво. Самоценно.

– Ну, ведь ты тоже, пожалуй, в юности не мечтала стать архивариусом, а? – продолжил я беседу.

– Я когда-то отлично танцевала, – призналась она. – С восьми лет занималась. Были, были кое-какие мечты в юности.

– И что же помешало?

– Ветер в голове. Непостоянство. Неопытность.

– И что же?

– А что, интересно бабские байки слушать? – рассмеялась она.

– Да, мне так работается легче, – соврал я, поощряя её к продолжению. – Некоторые любят в тишине трудиться, а я так наоборот. Вот увидишь, всё сделаю в лучшем виде. Рассказывай, хозяйюшка, потешь!

– Меня Светланой зовут, – представилась она.

– А я Александр. Саша.

– Я помню. В твоём объявлении так и было написано.

«Вот и познакомились», – усмехнулся я про себя.

– Ну, так что, Светлана? – говоря это, я обернулся. Она стояла рядом, за моей спиной, прислонившись к косяку. Я увидел, что Светлана успела накинуть просторную рубашку. Наверно, у мужа позаимствовала. Ей всё шло.

– Однажды в десятом классе я с подругой Мариной была на большой выставке кулинарного искусства. Мне так понравилось! Такая красота! И мы, две дурехи, решили стать кулинарами. После школы пошли в училище. Родители меня не остановили. Они у меня люди простые. Кулинаром – так кулинаром!

– Я тоже в детстве мечтал работать на кондитерской фабрике и есть шоколад каждый день. Но вовремя одумался, – соврал я.

– А я вот не одумалась. После училища нас направили в пекарню. Это такой адский труд! Работа в три смены. Одни и те же булочки каждый день. Жара невероятная. И никакого творчества. Оказалось, что стряпня не такое уж приятное занятие. Одни ожоги и жесткий план.

– Ушла?

– Конечно! Но зато я стряпаю отменно! Кислое тесто такое замешу, что потом мои пирожки вместе с пальчиками проглотишь!

– Не сомневаюсь. А что потом?

– Курсы бухгалтеров, – она рассмеялась. – Но поработать не удалось. Вышла замуж, дочь родилась. Я с ней дома сидела. Потом девчонки мои помогли мне устроиться. Сейчас я архивариус в заводском техотделе.

– Девчонки – это кто? Подружки?

– Да, подружки, – голос её наполнился трогательной теплотой.

– Подружки – подлюжки! У меня так жена иногда шутит, – подначил я свою собеседницу.

– Не-е-т, мои не такие, – мягко возразила Светлана. – Они мне, как родные сестры.

– А что та Марина? – поинтересовался я. – Так и осталась в пекарне булочки печь?

– Нет. Она парикмахером стала. Отличным, кстати.

– Тоже вовремя одумалась.

– Да. Маришка всегда всех пацанов в классе стригла. Они возьмут у родителей деньги на стрижку, а Марина их бесплатно подстрижет, и деньги в сохранности!

– Любопытно! На пиво, жвачку и сигареты? – усмехнулся я.

– Ну, кому на что, – задумчиво сказала Светлана. – Так, заболтал ты меня, Сашенька. Как там моя машина, стирать будет?

– Будет, – заверил я. – Но при одном условии.

– При каком?

– Если ты свои лифчики на косточках не будешь бросать в неё безоглядно, – доверительно и дружелюбно предупредил я.

– А что? – спросила она без тени смущения.

– А вот, – и я показал ей две металлические дужки, которые мне удалось извлечь из барабана несчастного агрегата. – Надо белье класть в специальный мешочек для стирки или вообще в тазике ручками. Договорились?

– И все?

– Нет. Ещё я тебе спираль нагревателя заменил. Твоя-то, смотри, на что стала похожа. Я продемонстрировал ей деталь, необратимо покрытую слоем мерзкой накипи.

– Да, грустное зрелище, – согласилась Светлана.

– Я тебе посоветую, время от времени делать профилактику. Бери обычную лимонную кислоту и засыпай вместо порошка. Потом установи высокую температуру и включай машину. Дешево и сердито, – гордо завершил я.

Я поставил стиральную машину на место и вышел из душной тесноты подсобного помещения. Тех, кто проектировал эти крохотные кельи, стоило бы самих держать подолгу в подобных ваннных комнатах и кухнях.

– Слушай, спасибо тебе огромное! – поблагодарила Светлана. Фраза прозвучала душевно и энергично. Приятно.

Мы стояли друг против друга. Её глаза сверкали и лучились. Эти лучи взрезали обычный спектр дневного света. Происходило преломление. Дифракция. Черт знает, что происходило. Вокруг неё мерещилось свечение, и воздух казался чуть теплее обычного. Светлана мягко переплавляла чужую волю, подчиняла себе. И это не тяготило, а приятно взбудораживало. Рядом с ней возникала уверенность, что все получится и сложится. Как следователь, я отлично знал, что именно такие харизматичные личности могут увлечь за собой многих. Такие особы способны подвигнуть человека, как на большие свершения, так и на серьезные преступления. Мне приходилось вести всякие дела. Я убеждался не раз, что поговорка «ищите женщину» – не напраслина. Я, бывший следователь, знал это точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.